NLRK
20326511

91 (47.20)
Ш-17

...ІЕЦКІЕ ВОДОПАДЫ

Кивачъ,

Поръ-Порогъ

и Гирвасъ

ВЪ ОПИСАНІЯХЪ ТУРИСТОВЪ

(съ 14 фотографіями водопадовъ и картою путей къ нимъ).

СОСТАВИЛЪ М. С. Шайжинъ.

3.

91.(47.20)
Ш-17
О-551

ПОЭЗІЯ СѢВЕРНО-РУССКОЙ ПРИРОДЫ.

ОЛОНЕЦКІЕ ВОДОПАДЫ

Кивачъ,

Поръ-Порогъ

и Гирвасъ

ВЪ ОПИСАНІЯХЪ ТУРИСТОВЪ

(съ 14 фотографіями водопадовъ и картою путей къ нимъ).

СОСТАВИЛЪ Н. С. ШАЙЖИНЪ.

ЗЕМСКАЯ НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА ЧИТАЛЬНЯ. Петрозаводская Бережная.
№ 504
К-ФССР Государственная Публичная БИБЛИОТЕКА КАБИНЕТ КРАЕВЕДЕНИЯ
1р 50к

ПЕТРОЗАВОДСКЪ.
ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страницы.
Предисловіе	III—VI
Литература объ Олонецкихъ водопадахъ .	VII—VIII
Рисунки, картины, планы, рельефы и снимки водопадовъ .	IX
Пути сообщенія и стоимость проѣзда на водопады отъ С.-Петербурга	X
Отъ Петрозаводска до Кивача—*Н. А. Лейкинъ, Н. Д. Дмитріевъ*	1
Легенда о происхожденіи Кивача, Поръ-Порога и Гирваса—*И. И. К.*	3
Общее понятіе о Сунскихъ водопадахъ и ихъ силѣ—*А. П. Нечаевъ, А. Н. Митинскій* . . .	4

КАРТИНЫ ПАДУНОВЪ.

КИВАЧЪ.

Изъ оды «Водопадъ»—*Г. Р. Державина* . .	8
Изъ «Поденной записки»—*его-же* . . .	10
Изъ «Путешествія» академика *Н. Озерецковскаго* .	11
«Водопадъ» стих.—*П. Граве* . . .	12
«Кивачъ и его братья» стих.—*Д. П. Ягодкинъ* .	12
Общій видъ Кивача весною—*И. И. К., М. А. Круковскій* .	13
Кивачъ въ бѣлую майскую ночь и при первыхъ лучахъ восходящаго солнца—*А. О. Ласточкинъ, В. Х. (Харузина)*	18
Радуга на Кивачѣ въ 4 час. утра—*В. Свищовъ* .	22
Весенній день на Кивачѣ (2 ч. утра—3 ч. дня)—*Н. Березинъ*	22
Весенній вечеръ, ночь и утро на Кивачѣ—*Д-ръ А. В. Елисѣевъ*	26
Кивачъ въ іюнѣ—*К. Случевскій* . . .	27
Кивачъ въ іюльское утро—*Академикъ Я. Гротъ* .	29
Кивачъ въ лѣтній пасмурный вечеръ—*Н. А. Лейкинъ* .	30
Дождливая ночь и ясное лѣтнее утро на Кивачѣ—*Н. Д. Дмитріевъ, А. Рудницкій*	33
На Кивачѣ зимою, въ февралѣ—*Н. С. Шайжинъ* .	34
Настроеніе, навѣваемое картиною Кивача—*Ѳ. Н. Глинка, Д. П. Ягодкинъ, Ив. Поляковъ* . . .	41
Преданія о Кивачѣ—*А. Ивановъ, И. И. К.* . .	42

Кивачъ въ Олонецкомъ фольклорѣ. Приплачь вдовы по мужѣ, погибшемъ въ Кивачѣ при сплавѣ лѣса—*Н. С. Богданова* 45

ПОРЪ-ПОРОГЪ.

Поръ-Порогъ при восходѣ солнца—NN. . . 50
Виды Поръ-Порога въ весенній вечеръ—*М. А. Круковскій* 51
Поръ-Порогъ при сплавѣ лѣса—*Н. Березинъ* . . 52

ГИРВАСЪ.

Общій видъ Гирваса—NN. . . . 52
Гирвасъ днемъ и на вечерней зарѣ—*Н. Березинъ* . 53
Гирвасъ темною ночью, при свѣтѣ костра—*М. А. Круковскій* 53

ВОИЦКІЙ ПАДУНЪ.

Замѣтка о Воицкомъ водопадѣ—*А. П. Нечаева* . 55
Общее замѣчаніе о числѣ и судьбѣ Олонецкихъ водопадовъ—*Н. С. Шайжинъ* . . . 56

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Карта путей на Кивачъ, Поръ-Порогъ и Гирвасъ отъ г. Петрозаводска 1
Общій видъ Кивача съ павильона . . . 8
» » » » моста . . . 14
Лѣтній видъ на павильонъ и часть Кивача съ праваго берега 20
Падунецъ на лѣсной рѣчкѣ . . . 25
Падунъ Норусъ на р. Сегежѣ . . . 30
Зимній видъ на павильонъ и часть Кивача съ праваго берега 36
Зимній видъ Кивача съ моста . . . 39
» » » съ павильона . . 41
Заломъ бревенъ въ падунѣ «Бараны», на р. Выгѣ . 44
Работа въ порогѣ Норусѣ—разборъ «косы» . . 48
Поръ-Порогъ 50
Гирвасъ 52
Воицкій водопадъ—правая сторона . . 55
» » —лѣвая сторона . . . 57

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Я видѣлъ Рейнскій водопадъ, я видѣлъ Паровскій водопадъ, но, по моему, Кивачъ производитъ неизмѣримо болѣе сильное впечатлѣніе на зрителя. Съ такъ называемымъ водопадомъ Иматрой Кивачъ и сравнивать нельзя (Н. А. Лейкинъ). Иматра—ребенокъ въ сравненіи съ Кивачемъ (В. Корніевскій). Онъ безопасно выдерживаетъ сравненіе даже съ Тролльеттой. Вообще Кивачъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ водопадовъ сѣверной Европы, утверждаетъ акад. Я. Гротъ. Кивачъ—это поэзія нашего сѣвера, это лучшая страница изъ альбома дикой, угрюмой, но своеобразно прекрасной сѣверной природы, восхищается туристъ И. Н. К. „Природа тамъ, на Кивачѣ,—какъ бы высшая нами зримой природы", говоритъ по поводу „Водопада" Г. Р. Державина чуткій цѣнитель и великій художникъ русской природы Н. В. Гоголь. (Сочин. и письма. С.ПБ. 1857 г. т. III, 441). Своимъ величіемъ Кивачъ вселяетъ въ взирающаго на него даже какое-то благоговѣйное чувство (Н. А. Лейкинъ).

Что касается двухъ другихъ величайшихъ Олонецкихъ „падуновъ" на р. Сунѣ—Поръ-Порога и Гирваса, то они даже превосходятъ Кивачъ общею высотою паденія и не уступаютъ ему ни по своей дикой красотѣ, ни по живописности (А. Н. Вороновъ).

Красивый Воицкій водопадъ есть одинъ изъ гигантскихъ пороговъ на р. Выгѣ, которые въ другихъ мѣстностяхъ Россіи сошли бы за настоящіе водопады (А. П. Нечаевъ).

Таковы главные Олонецкіе водопады, по мѣстному „падуны", - тѣ картины природы, которыя вообще являются „самыми грандіозными и величественными послѣ смерчей и вулканическихъ изверженій" (А. П. Нечаевъ *). Отзывы о падунахъ туристовъ не оставляютъ желать лучшаго, а

*) Въ Россіи кромѣ Олонецкихъ водопадовъ извѣстны:

1) *Финляндскіе водопады:*

Иматра на р. Вуоксѣ, падающая каскадомъ на протяженіи 304 метровъ съ высоты 15 метровъ.

Гетфорсъ (Высокій водопадъ) на одномъ изъ устьевъ р. Кюмени, шириною въ 30 саж., высотою около 5 саж.; однотипный съ Ніагарою и Замбезе.

Тамперe на р. того-же имени, самый красивый и величественный изъ финляндскихъ водопадовъ, соединившій въ себѣ все, чѣмъ прекрасна Иматра и величественъ Гетфорсъ.

Эмме у Каяны.

Водопадъ во всю ширину р. Каяны близъ Гельсингфорса, у самаго впаденія рѣки въ Финскій заливъ, и др.

2) *Эстляндскіе водопады:*

на рѣкѣ Ягговалъ высота 7 метровъ.

на Фальскомъ ручьѣ высота 6 метровъ.

Нарвскій водопадъ, 3 саж. 2 фута высоты

межъ тѣмъ „сколко русскихъ денегъ потрачено на удовлетвореніе простого, только любопытства, чтобъ осмотрѣть интересные водопады Западной Европы и какое сравнительно ничтожное число любителей ѣздило полюбоваться красотами гигантовъ—водопадовъ своей родной страны!" Вотъ, напр., небезынтересная таблица за 6 недавнихъ лѣтъ, вполнѣ приложимая и къ послѣднимъ годамъ.—

Въ 1889 г.	посѣтили	Кивачъ	всего	271 чел.;	изъ нихъ	изъ СПБ.	и др. губ.	46 ч.
1890 г.	„	„	251	„	„	„	„	47 „
1891 г.	„	„	201	„	„	„	„	46 „
1893 г.	„	„	182	„	„	„	„	39 „
1894 г.	„	„	147	„	„	„	„	32 „
1895 г.	„	„	255	„	„	„	„	79 „

Такимъ образомъ годовое число всѣхъ туристовъ на Кивачъ не достигаетъ въ среднемъ и 200 человѣкъ, изъ которыхъ на Норъ-Порогѣ и Гирвасѣ бываютъ самое большее десятки. Гдѣ же причины столь незначительнаго количества туристовъ къ наиболѣе извѣстнымъ Олонецкимъ „падунамъ"?—Для туристовъ не олончанъ причиною могло бы быть опасеніе далекаго воднаго пути отъ СПБ. Но дальность разстоянія (451 вер.), какъ причина, отходитъ на второй планъ при двухсуточномъ и недорогомъ проѣздѣ на пароходахъ, поддерживающихъ постоянное сообщеніе между СПБ. и Петрозаводскомъ, а отъ послѣдняго до Кивача всего 65 в. (см. стр. X-ю). Что касается необходимости ѣхать отъ СПБ. (отъ Воскресенской пристани на Невѣ, близъ Литейнаго моста) воднымъ путемъ, то путешествіе по р.р. Невѣ и Свири и по величайшимъ въ Европѣ озерамъ. Ла-

Западно-европейскіе водопады:

Рейнскій, близъ Шафгаузена, въ мѣстечкѣ Нейгаузенъ. Ширина 170 метровъ, высота 24 метра=11 саж. Въ статьѣ А. П. Нечаева «Рѣки и ихъ значеніе въ жизни земли» высота этого водопада опредѣлена въ 8 метровъ.

«Пыльные» (Staubach) альпійскіе водопады.

Трольгетскіе водопады (четыре) на р. Готѣ, въ Швеціи; общая высота паденія до 15 саж. (Trollhättan—жилище вѣдьмъ).

Хіоммель—саска (Hjommel-sasca—прыжокъ зайца) на р. Лулео-эльфъ, въ Лапландіи; высота 80 метровъ.

Ріуканъ-фосъ (Riukan-fos—Ревущій водопадъ) въ Норвегіи, въ Телемаркѣ высота паденія 400—500 фут., ширина водопада 840 фут.

Внѣ-европейскіе водопады:

Ніагара въ Сѣверной Америкѣ, на р. того-же имени, знаменитѣйшій водопадъ на земномъ шарѣ. Ніагара съ туземнаго языка значитъ «Падающее море», ширина котораго 324 саж., а высота паденія 25 саженъ.

Іосмитъ—высочайшій водопадъ въ Сѣверной Америкѣ.

Викторія на р. Замбези, въ Африкѣ, по туземному называется «Мози-оатуни»—дымъ шумитъ. Весь водопадъ шириною въ 2200 метровъ вдругъ, безъ всякаго перехода, низвергается въ зіяющую трещину базальтовой скалы, вырываясь изъ нея на свободу чрезвычайно узкимъ извилистымъ потокомъ.

тожскому и Онежскому, въ тихое лѣтнее время можетъ представить большой интересъ и само по себѣ, независимо отъ своей конечной цѣли. Главною причиною слабости интереса къ Олонецкимъ водопадамъ не только за предѣлами губерніи, но и въ значительной части мѣстнаго населенія является, думаемъ, малоизвѣстность водопадовъ, знакомство съ ними больше по наслышкѣ или только по имени. Своею цѣлью, поэтому, мы ставимъ—содѣйствовать большей извѣстности родныхъ „каскадовъ" въ русскомъ обществѣ, способствовать пробужденію интереса къ нимъ, особенно въ средѣ учащагося поколѣнія, которое, обстоятельно изучая чужія страны и чужую природу, должно еще обстоятельнѣе изучить и полюбить природу родной земли. Замѣтимъ, что въ нашихъ учебныхъ географическихъ хрестоматіяхъ, напр., С. Меча, Поддубнаго, Сахарова и даже въ такой, какъ „Россія", изданной недавно А. Крубергомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ, или совсѣмъ ничего не говорится объ Олонецкихъ водопадахъ, или приводится буквально 10 строкъ изъ книги В. Корніевскаго (у Сахарова).

Существующія въ общей литературѣ описанія Олонецкихъ и въ частности Сунскихъ водопадовъ разсѣяны по многочисленнымъ, не всегда доступнымъ изданіямъ. Со времени бывшаго Олонецкаго губернатора Г. Р. Державина, съ 1784—1785 гг., намъ извѣстно въ литературѣ до 25 такихъ описаній сунскихъ каскадовъ и преимущественно Кивача (см. ниже литературу о водопадахъ). Описанія эти различнаго достоинства и между ними немало истинно художественно-поэтическихъ. И помимо знаменитаго „Водопада" Державина—

„Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами"....

Таковы, напр., описанія К. Случевскаго, В. Харузиной, М. А. Круковскаго и др. Авторы этихъ описаній также не останавливаются на опредѣленіи однихъ существенныхъ признаковъ водопадовъ, даютъ не только понятіе о нихъ, но, по характеру описываемыхъ явленій, стремятся главнымъ образомъ представить художественное описаніе, живую, наглядную и, по возможности, полную картину водопадовъ. Послѣдней цѣли, думаемъ, можетъ наиболѣе удовлетворить своимъ въ хрестоматическомъ духѣ описаніе водопадовъ, опытъ котораго и представляетъ настоящее изданіе. Поясникъ только что сказанное.

Авторъ художественнаго картиннаго описанія, при выборѣ признаковъ предмета, руководится своими личными впечатлѣніями, а одинъ и тотъ же предметъ въ разные моменты времени, при различной обстановкѣ произведетъ на разныхъ лицъ не одинаковое впечатлѣніе. И это особенно справедливо въ отношеніи къ водопадамъ, представляющимъ вѣчное движеніе и безконечное измѣненіе и разнообразіе очертаній. „Нѣтъ момента, нѣтъ пункта, чтобы можно было наблюдать совершенно тождественную картину волны въ водопадѣ, форма волнъ, ихъ размѣры и очертанія, водовороты, самый видъ пѣнящейся воды здѣсь, тамъ, въ другомъ мѣстѣ,—все это новое, новое и новое". Отсюда и художественныя описанія однихъ и тѣхъ же явленій природы и въ частности Олонецкихъ водо-

падовъ могутъ во многомъ отличаться одно отъ другого, но не противорѣчатъ одно другому, не являются излишними, а взаимно дополняютъ другъ друга, въ своей совокупности представляя общую и наиболѣе отвѣчающую дѣйствительности картину „падуновъ". Для полноты картины послѣ весеннихъ и лѣтнихъ описаній и снимковъ водопадовъ мы даемъ зимніе снимки и описаніе главнаго Олонецкаго водопада Кивача и касаемся отраженія этого „падуна" въ мѣстномъ фольклорѣ.

Картинамъ водопадовъ предпосылается художественное описаніе пути на Кивачъ изъ Петрозаводска П. А. Лейкина и Н. Д. Дмитріева. Многія мѣста по этому пути таковы, что „будь они, говоритъ одинъ туристъ, вблизи желѣзной дороги, давно бы они, конечно, обратились въ излюбленные дачные уголки для людей богатыхъ и независящихъ лѣтомъ отъ Петербурга". По живописности и свѣжему горному воздуху мѣста эти напомнили другому туристу „лучшія мѣстности Швейцаріи и Пирмонта"!

Въ заключеніе слѣдуетъ остановиться на названіяхъ Олонецкихъ водопадовъ. Замѣтимъ предварительно, что олонецкое слово „**падунъ**" древнѣе искусственно составленнаго названія „водопадъ". Впервые это древнерусское слово встрѣчается въ „Актахъ Юридическихъ" подъ 1505 г. въ приложеніи къ порогу на рѣкѣ Шалѣ, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Изъ того-же источника узнаемъ, что въ Московской Руси однозначущими съ словомъ **падунъ** были реченія: **падучи̂на** (А. Ю. 1618 г.), **у̂падь** (А. Ю, XIV—XV в., р. 159) и **порогъ** (Писцовая книга Юрія Сабурова 1496 года).

По фински „**падуну**" соотвѣтствуютъ слова kóski и pàda. Отъ второго слова произошли, можно полагать, названія села **Паданъ** и рѣки **Паденги** (См. А. Ю. XIV—XV в., р. 145).

Названія почти всѣхъ Олонецкихъ падуновъ финскія, напр. Норусъ, (nùora—веревка), Са̀ри—ко̀ски (островъ+порогъ), лежащій рядомъ съ Норусомъ; Бугма (голова), на 56 стр. первый разъ, въ строкѣ 16-й, ошибочно названъ лежащимъ „на р. Кулмуксѣ", а второй - правильно „на р. Кумсѣ"; Каянъ-коски (узкій порогъ), Остерь, Юга (рѣка), Толли, Каллива—коски (скалистый порогъ) и др. Что касается названія Кивачъ, то оно, по мнѣнію акад. Я. Грота, происходитъ отъ финскаго слова kiwi камень и, какъ кажется, составляетъ или, по крайней мѣрѣ, прежде составляло мѣстное нарицательное, а не собственное имя для обозначенія большого порога. Къ этой мысли приводитъ Грота одно мѣсто изъ „Поденной записки" Державина, гдѣ въ статьѣ объ Онежскомъ озерѣ, названномъ тутъ „Великое Онего", сказано о рѣкахъ Шуѣ и Сунѣ: „Мѣстами проѣзжаютъ по онымъ малыми судами; свободнаго же, по причинѣ **двухъ Кивачей, или большихъ** и множества другихъ малыхъ **пороговъ**, судового хода по нимъ нѣтъ". Не возражая противъ приведеннаго мнѣнія, мы склоняемся однако къ мысли, что названіе „Кивачъ" произошло скорѣе отъ мѣстнаго корельскаго слова kiwas снѣговая гора, которое и по созвучію, и по значенію болѣе, чѣмъ kiwi соотвѣтствуетъ громадному, бѣлому отъ пѣны падуну. Въ названіи Норъ-Порогъ первая составная часть происходитъ отъ корельскаго слова pòro—щелокъ (отсюда олонец. област. слово порочи мѣшокъ съ пепломъ при кипяченіи—„бу̂ченьѣ" бѣлья). Названіе Гирвасъ ближе подходитъ къ корельскому hirwi лось, чемъ къ слову kirwes—топоръ.

26 Мая 1907 г.
Петрозаводскъ.

ЛИТЕРАТУРА ОБЪ ОЛОНЕЦКИХЪ ВОДОПАДАХЪ.

1. ОПИСАНІЯ „КИВАЧА".

1. **Г. Р. Державина**—въ одѣ „Водопадъ" и въ „Подлинной запискѣ" за 21 іюля 1785 года: Сочин. Державина, 2-е академ. изд. СПБ. 1868 г., стр. 318—349.

   Академика Н. Озерецковскаго—въ его „Путешествіи по озерамъ Ладожскому и Онежскому и вокругъ Ильменя (въ 1785 г.). 2-е изд. СПБ. 1812 г., стр. 233—234.

   А. Боровкова—„Кивачъ", въ „Сѣверномъ" 1818 г., ч. I.

   П. Граве—„Водопадъ" стих., въ Олон. Губ. Вѣд. 1845 г. № 33.

5. **А. О. Ласточкина**—„Весна на Кивачѣ", въ Олон. Губ. Вѣд. 1853 г. № 17 и 19 и „Памятной книжкѣ Олон. губ." за 1858 г., стр. 160, въ статьѣ „Замѣчательныя мѣстности Петрозаводскаго уѣзда".

   Академика Я. Грота „Поѣздка въ Петрозаводскъ", въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ" 1863 г. т. IV, кн. I, 51—63 стр.: см. также въ „Олон. Губ. Вѣд." 1863 г. № 41.

   Н. Д. Дмитріева „Кивачъ", въ „Рус. Вѣстн." 1863 г. № 9. Ср. Моск. Вѣд. 1863 г. № 146.

   Д—ра А. В Елисѣева „По бѣлу—свѣту" т. I. 65—66. СПБ. 1901 г. (описаніе сдѣлано весною 1878 г.).

   А. Иванова—„Изъ Петрозаводска въ Кончезеро и къ Сунскимъ водопадамъ". Петрозаводскъ. 1879 г.

10. **Ив. Полякова**—„въ Живописной Россіи" подъ редакціей П. П. Семенова, т. I, ч. I, 369—370. СПБ. 1880 г.

    К. Случевскаго—„По сѣверу Россіи". Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны въ 1884 и 1885 г.г. СПБ. 1886 г. т. I. 72—74.

    А. Рудницкаго—въ „Описаніи путей отъ СПБ. къ Соловецкому монастырю и до водопада „Кивачъ". Петрозаводскъ. 1888 г.

    В. Свищова—въ „Поѣздкѣ къ водопаду Кивачъ" (—путеводитель). СПБ. 1889 г.

    В. Х. (Харузиной)—„На сѣверѣ" (Путевыя воспоминанія). Москва. 1890 г.

15. **Д. П. Ягодкина**—„Олонецкій край и его естественныя богатства". Петрозаводскъ. 1897 г.; стр. 144—145.

    Н. А. Лейкина—„По сѣверу дикому" и „на Кивачъ". СПБ. 1899 г., изд. 3, стр. 228, 235—241.

    И. И. К.—„Кивачъ", въ Олон. Губ. Вѣдом. 1901 г.

    Н. Березина—„Поѣздкомъ къ карельскимъ водопадамъ". СПБ. 1903 г. 55—62 стр.

    М. А. Круковскаго „Олонецкій край". СПБ. 1901 г. стр. 124—128.

20. **А. П. Нечаева**—„Картины родины". СПБ. 1905 г., стр. 82—84; „Рѣки и ихъ значеніе въ жизни земли. 2", въ „Вѣстникѣ и библіотекѣ самообразованія" 1904 г., № 42.

В. Корніевскаго—„Въ странѣ великихъ озеръ", изъ хрестоматіи А. Сахарова „По русской землѣ", изд. 4, 1901 г., стр. 98.

А. П. В. (Воронова) - въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. XV, 42.

23. **Путь къ водопаду Кивачу отъ Петрозаводска.** N.N. Олонецкій Сборникъ, вып. IV, 120—130.

См. еще „Рус. мысль" 1887 г., февр. 73; Петр. Вѣсти. 1906 г., декабрь „Воспоминанія о Скальковскомъ"; поэму Ѳ. Н. Глинки „Карелія или заточеніе Маріы Іоанновны Романовой на Бѣлозерѣ (1830 г.).

О посѣщеніяхъ Кивача—Императоромъ Александромъ II въ 1858 г. - въ историческомъ сборникѣ „О Высочайшихъ посѣщеніяхъ Олонецкой губерніи въ XIX столѣтіи", выпускъ III: тамъ же, вып. IV—о посѣщеніи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1863 г.; тамъ-же, вып. VI—о посѣщеніи Великими Князьями Сергіемъ Александровичемъ и Павломъ Александровичемъ, Константиномъ Константиновичемъ и Дмитріемъ Константиновичемъ въ 1878 г. Посѣщеніе Кивача - Устряловымъ въ 1851 г.—въ Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 22; Ковалевскимъ—тамъ же 1883 г., № 58; см. также 1880 г., № 48.

О количествѣ посѣтителей Кивача „Олон. Губ. Вѣд.". 1890 г. № 86; 1892 г. № 10; 1893 г. № 7; 1894 г. № 9.

О водяной силѣ Олонецкаго края—Горн. Инжен. **А. Н. Митинскаго.** Олонецкій Сборникъ, вып. IV, 197—202.

О предстоящей эксплоатаціи Кивача въ видахъ полученія электрической энергіи—извѣстіе въ Олон. Губ. Вѣд. 1907 г. № 117.

2. ОПИСАНІЯ ПОРЪ-ПОРОГА.

1. N.N.—**см. у А. Рудницкаго** въ „Описаніи путей отъ СПБ. къ Соловецкому монастырю и до водопада Кивачъ", а также въ „Россіи", т. III, стр. 397—398, изд. подъ редакціей Семенова.

Н. Березина—„Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ", стр. 72.

М. А. Круковскаго—въ „Олонецкомъ краѣ", стр. 111—117.

А. П. Нечаева—въ „Картинахъ родины", стр. 84—86

5. **А. П. В.**—въ „Энциклопедич. словарѣ" Брокг. и Эфрона XXIV. 651.

3. ОПИСАНІЯ ГИРВАСА.

1. N.N.—**см. у Рудницкаго** и въ „Россіи", т. III, 398.

Н. Березина—„Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ", стр. 75.

М. А. Круковскаго—въ „Олонецкомъ краѣ", стр. 148—150.

А. П. Нечаева въ „Картинахъ родины", стр. 86.

5. **А. П. В.**—въ „Энциклопедич. словарѣ" Брокг. и Эфрона VIII, 752.

4. ОПИСАНІЕ ВОЙЦКАГО ВОДОПАДА.

А. П. Нечаева—въ „Картинахъ родины", стр. 86.

См. также „Путешествіе акад. Озерецковскаго", стр. 281—282 и планъ Войцкаго рудника на таблицѣ XI-й.

РИСУНКИ, КАРТИНЫ, ПЛАНЫ, СНИМКИ И РЕЛЬЕФЫ ОЛОНЕЦКИХЪ ВОДОПАДОВЪ.

Первый **рисунокъ** „Кивача" сдѣланъ въ 1785 г. акад. П. Озеровскимъ и приложенъ къ его „Путешествію" (таб. VII-я). Затѣмъ къ „Водопаду" есть картинка Иванова, гравировка Чешаго въ „Полярной звѣздѣ" на 1824 г. Другая картинка приложена къ статьѣ Майбова (Добролюбова) „Державинъ" въ „Русск. иллюстриров. альманахѣ", изд. въ СПБ. въ 1858 г. фантастическія изображенія „Водопада" рис. А. Брюлова, грав. Галактіонова, помѣщены—какъ фронтисписъ ко 2-й ч. сочин. Державина, изд. Смирдина въ 1831 г., и рис. Оленева въ 1-мъ академическомъ изданіи.

Въ бытность свою въ Петрозаводскѣ въ 1863 г. акад. Гротъ слышалъ, что г. Смоликовъ написалъ видъ „Кивача" масляными красками и что эта **картина** находится въ СПБ. у г. Громова. Въ Олонецкомъ естественно-промышленномъ музеѣ хранится живописная копія, снятая съ картины мѣстнаго художника Нармакова г. Девелемъ. Заслуженной извѣстностью пользуется картина „Водопадъ Кивачъ" академика В. Г. Казанцева. Отмѣтимъ еще рисунокъ „Водопадъ Кивачъ" А. Шильдера въ книгѣ К. Случевскаго и мало похожій рис. въ „Живописной Россіи" т. I, ч. 1 я. Въ 1858 г. былъ сдѣланъ рисунокъ „Кивача" въ малую воду акад. Г. П. Гельмерсеномъ.

Очень хорошія **фотографіи** Кивача, Норъ-Порога и Гирваса помѣщены въ „Россіи" т. III, изд. подъ ред. Семенова,—также въ описаніяхъ г.г. Березина, Круковскаго и Печаева.

У А. П. Печаева въ фотогр. Кивача и Норъ-Порога приложены **планы** этихъ „на глазъ", сдѣланные Генри въ 1883 г.: планы имѣются и въ книгѣ П. Березина.

О верхнихъ Суонскихъ водопадахъ Гирвасѣ и Норъ-Порогѣ должно еще сказать, что въ Олонецкомъ естественно промышленномъ музеѣ хранятся большіе **рельефные виды** этихъ „на глазъ", сдѣланные моделью мастеромъ Гринецкимъ.

ПУТИ СООБЩЕНІЯ И СТОИМОСТЬ ПРОѢЗДА

А. ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГА ДО ПЕТРОЗАВОДСКА:

1. Пароходное сообщеніе. а) По линіи СПБ.-Петрозаводскъ совершаютъ рейсы озерные пароходы 3-хъ компаній: СПБ.-Волжскаго пароходства «Свирь» и «Петербургъ», СПБ.-Петрозаводскаго—«Олонецъ» и «Кивачъ» и Онежскаго—«Ап. Петръ» и «Ап. Павелъ». Изъ СПБ. пароходы двухъ первыхъ компаній отходятъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ 11 час. утра и приходятъ въ Петрозаводскъ черезъ двои сутки утромъ (около 8—9 ч.) Пароходы «Ап. Петръ» и «Ап. Павелъ» выходятъ изъ СПБ. по понедѣльникамъ и пятницамъ въ 4 ч. дня. Изъ Петрозаводска эти пароходы отходятъ по понедѣльникамъ и четвергамъ въ 6 ч. вечера.

Прочіе пароходы изъ Петрозаводска въ СПБ. уходятъ на слѣдующій день по приходѣ, въ 4 ч. пополудни.

Стоимость прямого проѣзда отъ СПБ. до Петрозаводска на озерныхъ пароходахъ въ навигацію 1907 г.:

I классъ—9 рублей, II—6 руб. 50 к., III—3 руб. 75 к. 1 пудъ багажа—30 коп.

б) Туристы, не желающіе ѣхать Ладожскимъ озеромъ, могутъ путешествовать отъ СПБ. до г. Лодейное-Поле (на р. Свири) на рѣчныхъ пароходахъ «Шлиссельбургскаго пароходства», производящихъ рейсы по при-ладожскимъ каналамъ; рейсы ежедневные приходъ въ Лодейное-Поле въ 3 часа дня (уходъ въ СПБ. въ 4 ч. дня). Отъ Лодейнаго-Поля до Петрозаводска проѣздъ на озерныхъ пароходахъ стоитъ: въ I кл.—5 р. 25 к., во II—3 р. 75 к., въ III—2 р. 25 коп.

2. Желѣзно-дорожное сообщеніе. а) По СПБ.-Вологод.-Вятской желѣзной дорогѣ отъ СПБ. до ближайшей къ Лодейному-Полю станціи «ЗВАНКИ», въ 23 вер. отъ г. Новой Ладоги. Поѣзда отходятъ изъ СПБ. на Званку два раза въ сутки: въ 1 ч. 32 м. и 3 ч. дня. Цѣна: I кл.—4 р. 10 к., II—2 р. 30 к. и III—1 руб. 64 коп. Отъ Новой Ладоги до Лодейнаго-Поля—пароходы Шлиссельбургскаго пароходства, далѣе—озерные.

б) По Финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ отъ СПБ. черезъ Выборгъ до г. Сердоболя. Проѣздъ за 308 верстъ въ I кл.—9 р. 50 к., II—5 р. 70 к., III—3 р. 80 к. Отъ г. Сердоболя черезъ г. Олонецъ до Петрозаводска грунтовою дорогою 349 верстъ лѣтомъ и 314 в. зимою. Существуетъ кратчайшій зимній путь отъ Сердоболя черезъ г. Умолу, Гулмозеро, Ведлозеро, Крошнозеро, Маньги, всего 224 вер.

Б. ОТЪ ПЕТРОЗАВОДСКА ДО КИВАЧА, ПОРЪ-ПОРОГА И ГИРВАСА.

1. На картѣ обозначенъ пароходный путь до с. Кондопоги. Этой линіей дѣлали рейсы въ навигацію 1906 г. и будутъ поочередно дѣлать въ настоящемъ году, по воскресеньямъ въ 4 ч. утра пароходы «Свирь», «Петербургъ», «Кивачъ» и «Олонецъ». Плата за проѣздъ въ I кл.—2 р., во II—1 р. 50 к., III—1 р. Отъ с. Кондопоги—верховая лѣсная дорога до г. Чиколая верстъ 10, а далѣе нѣсколько меньшее разстояніе удобнѣе ѣхать въ лодкѣ р. Суною.

2. Для проѣзда на водопады грунтовою дорогою лошади въ Петрозаводскѣ имѣются у мѣщанъ Тимофея Ильина, Сарифановыхъ и др. ямщиковъ. О подачѣ лошадей къ приходу парохода заблаговременно можно телеграфировать ямщикамъ изъ Подпорожья на р. Свири.

Цѣны на лошадей до Кивача на тройку 18—20 руб., на пару 12—16 руб., на одну лошадь 6—8 руб. Отъ Кивача до Поръ-Порога и Гирваса прибавляется (за 36—39 верстъ) по 4 рубля на лошадь. Разстояніе отъ Петрозаводска до Кивача—65 верстъ, до Поръ-Порога—91 в. и до Гирваса 94 версты.

Меблированныя комнаты и гостинницы въ Петрозаводскѣ содержатъ:

Екатерина Валтазаровна **Тупицына**—Соборная ул., д. Н. И. Леви. Лаврентій Яковлевичъ **Порхачевъ**—Соборная ул., д. Тихонова. Яковъ Карловичъ **Шмидтъ**—Соборная ул., соб. домъ. Яковъ Ивановичъ **Лагуновичъ**—Владимірская набер., соб. д.,

Карта путей на Кивачъ, Поръ-Порогъ и Гирвасъ отъ Петрозаводска.

. . . . . лѣвой стороны указываютъ сухопутную дорогу на Сунскіе водопады отъ Петрозаводска черезъ с.с. Шую, Кончезеро, д. Викшицу (на Кивачъ) и выше на сѣверъ черезъ д. Шушки и с. Уссуну—на Поръ-Порогъ и Гирвасъ.

. . . . . правой стороны отмѣчаютъ путь парохода отъ Петрозаводска до с. Кондопоги по Петрозаводской и Кондопожской губамъ Онежскаго озера. Отъ с. Кондопоги на с.-з. идетъ къ Кивачу лѣсная тропа, верстъ 15, обозначенная на картѣ чертами - - - - - - - -

ОТЪ ПЕТРОЗАВОДСКА ДО КИВАЧА.

Дорога на Кивачъ—одна изъ лучшихъ и красивѣйшихъ въ Олонецкой губерніи.

М. А. Круковскій.

Мы выѣхали изъ Петрозаводска. Зазвонилъ колокольчикъ. Бойкія рыженькія лошаденки, очевидно финляндскаго происхожденія, побѣжали шибко. Дорога была хорошая, каменистая. На 7-й верстѣ отъ Петрозаводска показалась на пригоркѣ первая деревня—Сулажгора. Отъ Сулажгоры повернули на Повѣнецкій трактъ. Сейчасъ за деревней идетъ крутой спускъ, настолько крутой, что возница предложилъ намъ выйти изъ гарантаса, а самъ началъ спускать лошадей шагомъ. Дорога направлялась въ широкую долину, по которой извилистой лентой серебрилась рѣка Шуя. Съ горы видъ былъ настолько живописенъ, что отъ него не хотѣлось оторваться. Болѣе половины пути до Кивача идетъ по очень красивымъ мѣстностямъ, мимо озеръ, возвышающихся другъ надъ другомъ террасами. Озера эти большею частью продолговатой формы и проѣзжать приходится по узкимъ перешейкамъ, отдѣляющимъ одно озеро отъ другого. Есть мѣсто, гдѣ перешеекъ настолько узокъ, что видишь одно озеро по одну сторону дороги, а другое по другую. Озера эти протяженіемъ по нѣскольку верстъ. Первымъ озеромъ показывается Укшезеро, лежащее параллельно съ другимъ озеромъ, называемымъ Кончезеромъ, далѣе открывается Пертозеро или Пертиволоцкое. На перешейкѣ между Укшезеромъ и Кончезеромъ расположена деревня Косалма. Жители этой деревни занимаются добычей желѣзной озерной руды для Кончезерскаго желѣзодѣлательнаго завода, который и находится въ нѣсколькихъ верстахъ за Косалмой. Мѣстность отъ Косалмы до Кончезерскаго завода, по которой приходится проѣзжать, самая живописная изъ всего пути на водопадъ Кивачъ. Дорога идетъ между громадными отвѣсными скалами, въ разщелинахъ которыхъ растутъ гиганты сосны и ели. Нѣкоторыя скалы такъ велики, что приходится запи-

рать голову, чтобы видѣть ихъ вершины. Невольный трепетъ обхватываетъ, когда видишь такую скалу и на ней вѣковыя деревья, стволы которыхъ могутъ обнять только трое-четверо. Глядишь и не можешь надивиться, какъ такія деревья растутъ, откуда они берутъ соки для своего питанія. Но вотъ и Кончезерскій заводъ. Самый заводъ построенъ на перешейкѣ, раздѣляющемъ Пертозеро отъ Кончезера и образующемъ естественную плотину, которая удерживаетъ воды Пертозера на высотѣ 1 саженъ выше уровня Кончезера.

Отъ Кончезера до Кивача дорога съуживается и путь идетъ между дремучимъ лѣсомъ, верхушки котораго упираются въ небо. Хвойный лѣсъ уже перемѣшивается съ лиственнымъ и начинаетъ преобладать. Дорога дѣлается настолько узка, что чтобъ разъѣхаться по ней двумъ повозкамъ, одна изъ нихъ должна остановиться. Деревья удивляютъ своей громадностью. Это положительно вѣковой лѣсъ. Высота его такова, про которую говорятъ: закинешь голову, чтобъ посмотрѣть на верхушку—и шапка съ головы валится. Лѣсъ этотъ принадлежитъ горному вѣдомству.

Сейчасъ вслѣдъ за Кончезерскимъ заводомъ лежатъ по дорогѣ двѣ деревни, но уже далѣе на разстояніи слишкомъ двадцати пяти верстъ не попадается никакого селенія, кромѣ деревни Викницы, которая лежитъ уже въ 5—6 верстахъ отъ Кивача. Уже, подъѣзжая къ этой деревнѣ, слышишь легкій шумъ водопада, то приближающійся, то удаляющійся, смотря по густотѣ лѣса. Проѣхавъ Викницу, шумъ дѣлается уже слышнѣе. Его не заслушаетъ и стукъ колесъ повозки о дорогу.

П. А. Лейкинъ.

Съ Кончезерскаго завода есть и другая, старая дорога на Кивачъ черезъ д. Воронова, находящуюся на р. Сунѣ, въ 11 верстахъ отъ завода и въ 6 отъ водопада. *). Ѣхать приходится р. Сувой.

Въ Вороновѣ, пишетъ объ этомъ пути П. Д. Дмитріевъ, ожидала насъ лодка съ шестью гребцами, крестьянами этой деревни. Рѣка Суна шириною отъ 20 до 60 сажень: каменные берега ея, покрытые большею частью почвой, зелены и красивы, особенно правый, который, сколько я припомню, болѣе гористъ. На серединѣ пути есть пороги, которые пугаютъ нѣкоторыхъ боязливыхъ дамъ,

*) Срав. ниже описаніе этого пути въ „Почтовой запискѣ" Державина за 21 іюля 1785 г.

но, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ ахнуть, лодка переѣзжаетъ черезъ порогъ съ едва замѣтнымъ колебаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ позволяютъ берега, лодку тянутъ бичевою: напоръ воды такъ силенъ, что на веслахъ, противъ теченія, плыть чрезвычайно тяжело. За нѣсколько верстъ до водопада рѣка уже покрыта пѣною, плывущею отъ кипучей бездны. Версты за три до мѣста лодка начинаетъ дрожать. Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что, повидимому, къ тому нѣтъ никакой причины. Въ лѣсу тишина мертвая, вѣтеръ не шелохнется, шума водопада за поворотомъ рѣки да за лѣсомъ не слышно: а лодка дрожитъ. Значитъ, вода и самая почва сотрясаются отъ паденія громадной массы воды. Но вотъ вы слышите дикій шумъ. Шумъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивается, хотя водопада еще не видно. Наконецъ, круто повернувъ по рѣкѣ, мы очутились почти подъ самымъ жерломъ его. Здѣсь, на самой водѣ, устроена платформа, на которую выходятъ изъ лодки—и предъ вами Кивачъ!

Н. Д. Дмитріевъ.

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНІИ КИВАЧА, ПОРЪ-ПОРОГА И ГИРВАСА.

О происхожденіи Кивача и верхнихъ Сунскихъ водопадовъ, Порь-Порога и Гирваса, до сихъ поръ въ окрестномъ населеніи сохранилась красивая легенда.

Рѣки Суна и Шуя *) родныя сестры. Обѣ онѣ вытекаютъ гдѣ-то на шведской границѣ изъ однихъ и тѣхъ-же колодцевъ—родниковъ и долго идутъ рядомъ, любовно, не желая разстаться другъ съ другомъ. Забравшись въ глубь корельскихъ болотъ, лѣсовъ и скалъ, сестры устали и остановились отдохнуть. Суна, все время уступавшая сестрѣ болѣе покойное и удобное русло, уснула, какъ мертвая, и проспала уходъ сестры впередъ, вдаль къ невѣдомому морю. Поэтому она и называлась прежде не Суна, а Сонь-рѣка. Проснувшись и пораженная измѣной сестры и горемъ разлуки съ нею, Сонь-рѣка безумно бросилась догонять сестру, не выбирая русла, не останавливаясь ни предъ какими преградами. Въ страстной погонѣ за сестрой она налетѣла на Олонецкія скалы и стала неистово рвать ихъ, пробиваясь стрѣлою

*) Шуя вытекаетъ изъ оз. Суо-ярви въ Финляндіи и черезъ 150 верстъ впадаетъ южнѣе Суны въ Логмозеро, соединяющееся протокомъ съ Онежскимъ озеромъ.

все прямо, впередъ. Гирвасъ, Поръ-Порогъ и самый Кивачъ—это ея дикія побѣды надъ гранитными громадами, которыя не могли удержать Сонъ-рѣку, но и ее измучили настолько, что она, съ послѣднимъ воплемъ въ утесахъ Кивача, отказалась отъ надежды найти сестру и уныло отдалась сѣверному великану—лѣсу.

Замѣчательно, что у самыхъ скалъ Кивача лежитъ глубокая лѣсная долина, естественное русло для благоразумной рѣки, но своевольная Суна не замѣтила этой долины и всей своей страстной мощью ринулась на скалы Кивача.

И. И. К.

ОБЩЕЕ ПОНЯТІЕ О СУНСКИХЪ ВОДОПАДАХЪ И ИХЪ СИЛѢ.

На Сунѣ *) три огромныхъ водопада. Изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуется водопадъ *Кивачъ*, низвергающійся съ высоты около 5 саж.; Державинымъ дана высоко художественная и глубоко правдивая картина этого водопада. Общая картина Кивача представляется съ праваго берега р. Суны. Съ той и съ другой стороны вы видите голые камни—діориты и діабазы; на мѣстѣ паденія рѣка, сдавленная ими, превратилась въ узкій и бурный потокъ. Слѣва изъ густой зелени деревьевъ живописно выглядываетъ павильонъ, построенный по случаю посѣщенія водопада Императоромъ Александромъ II. Справа, на высокомъ обрывѣ бесѣдка, откуда туристы любуются грознымъ величіемъ водопада; сюда долетаютъ брызги низвергающейся воды и осыпаютъ зрителя цѣлымъ

*) Суна—рѣка въ Олонец. губ., Повѣнецкомъ и Петрозаводскомъ у.у., впадаетъ въ Кондопожскую губу Онежскаго озера. Беретъ начало, по общепринятому мнѣнію, изъ оз. Суно, близъ границы Финляндіи, въ запад. части Повѣнецкаго уѣзда. Но профессоръ Иностранцевъ („Геологич. очеркъ Повѣн. у., стр. 174, 264 и др.) указываетъ, что Суна только протекаетъ черезъ оз. Сунозеро, а что истокъ ея на нѣсколько 10-ковъ верстъ сѣвернѣе Сунозера. По выходѣ изъ Сунозера Суна протекаетъ черезъ цѣлый рядъ озеръ: Чудоярви, Поросъ-озеро, Пялвозеро, Линдозеро, Викшенское оз., Сундозеро (Уссунское) и др. Общее направленіе теченія къ ю.-в. Длина, считая отъ Сунозера, 240 верстъ, ширина въ верховьѣ 5—10 саж., въ нижней части до 60 саж., глубина 1—6 саж., кромѣ пороговъ, гдѣ бываетъ иногда не болѣе одного аршина. Паденіе 54 саж., теченіе быстрое. Кромѣ пороговъ С., пробиваясь черезъ гранитныя скалы, образуетъ рядъ живописныхъ водопадовъ: выше Уссунскаго оз.—Поръ-Порогъ 7,9 саж. и Гирвасъ 5,7 саж., ниже того-же озера Кивачъ, 5 саж. Болѣе точныя цифры паденія этихъ водопадовъ: 7,86—5,65 4,93 саж. опредѣлены въ

дождемъ. Только отсюда водопадъ представляется во всемъ величіи. Отсюда вы видите, какъ низвергаются цѣлыя горы воды, обращенной въ пѣну и брызги. На самомъ гребнѣ водопада изъ водъ рѣки выдвигаются огромные камни, и среди нихъ особенное наше вниманіе привлекаетъ одинъ, поражающій своей величиною. Добраться до него невозможно. Только плотовщики, спускающіе лѣсъ по рѣкѣ, рискуя жизнью, переправляются на середину водопада, чтобы спустить застрявшія тамъ бревна. Но тамъ былъ и обыкновенный туристъ *) и дерзкою рукой начерталъ имя той, которая заставила его совершить этотъ подвигъ. Изъ этой бесѣдки можно любоваться и видомъ на всю длину рѣки Суны, съ ея красивыми, обрывистыми, одѣтыми густымъ лѣсомъ берегами.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ *Поръ-Порогъ*. Онъ падаетъ съ огромной высоты — 7,9 сажени и въ этомъ отношеніи превосходитъ Кивачъ. Особенность Поръ-Порога заключается въ томъ, что онъ низвергается съ нѣсколькихъ уступовъ, въ числѣ которыхъ насчитываютъ не менѣе пяти крупныхъ. Поэтому онъ не производитъ такого грандіознаго впечатлѣнія, какъ Кивачъ, но за то какое разнообразіе явленій! На огромномъ пространствѣ всюду шумящіе потоки воды, среди нихъ скалы; отдѣльныхъ водопадовъ здѣсь цѣлые десятки. Насколько велика сила паденія—можно заключить изъ того огромнаго столба пыли и брызгъ, который поднимается среди водопада на высоту почти равную высотѣ раскинувшихся на берегу сосенъ.

1894 г. нивеллировкою студентами С.ПБ. Универс., подъ руководствомъ проф. А. М. Жданова (Энцкл. словарь Брокг. и Эфр. XV, 42).“

По опредѣленію же барона Н. В. Каульбарса въ 1888 г., паденіе Кивача оказалось равнымъ 7 метрамъ. Поръ-Порога 18 метрамъ и Гирваса 18 метрамъ; абсолютныя же высота этихъ пунктовъ. – 61, 101 и 117 метровъ надъ уровнемъ Финскаго залива. („Олонец. сборникъ,“ вып. IV, 194 стр.)

Что касается, въ частности, Кивача, то размѣры его во время стоянія высокой воды таковы:

Высота паденія воды . . .	49 футъ.
Протяженіе водопада . . .	840 футъ.
Ширина Суны предъ водопадомъ . .	175 футъ.
Ширина Кивача между скалами . .	отъ 50 до 60 футъ.
Расходъ воды въ секунду . . .	16,452 куб. ф.
„ „ въ минуту . . .	987,120 куб. ф.
„ „ въ часъ . . .	59,227,200 к. ф.
Механическая работа воды въ секунду .	75,238 паров. лошадей.

(А. Рудницкій.)

*) Сравн. описаніе г. Березина.

Третій водопадъ Суны. *Гирвасъ*. представляетъ водоскатъ на подобіе Имагры Среди рѣки на мѣстѣ паденія, выдвигается островокъ, своими формами напоминающій гигантскую черепаху: онъ весь сложенъ изъ камня. Отъ берега его отдѣляетъ узкій потокъ, черезъ который не трудно перебраться. Съ острова открывается роскошный видъ на падающую воду: нижняя часть этого водопада замѣчательна своими бараньими лбами.

Кромѣ этихъ водопадовъ на Сунѣ извѣстно множество порогонъ (до 33, по Гроту). а по всей вѣроятности имѣются и другіе водопады выше Гирваса.

Водопады и пороги представляютъ громадный запасъ силы, которая можетъ быть использована человѣкомъ. Водопады создали промышленность Финляндіи и всего Скандинавскаго полуострова: но въ Олонецкомъ краѣ эти драгоцѣнныя силы и въ малѣйшей долѣ не исчерпаны человѣкомъ.

А. П. Нечаевъ.

Къ сожалѣнію. за немногими исключеніями, водопады Олоніи не только не являются измѣренными, но и не нанесены на карты. Даже самыя рѣки. на которыхъ они существуютъ, на картахъ нанесены невѣрно, а часто и совсѣмъ не значатся. Самая подробная карта Топографическаго отдѣла Главнаго Штаба грѣшитъ самыми крупными промахами. Въ ней есть ошибки верстъ *по 15*, есть рѣки, начинающіяся и пропадающія неизвѣстно какъ —на картѣ просто выклиниваются, и удобно рѣкамъ на старинныхъ картахъ средней Африки и т. д.

„Суна сплавна на всемъ протяженіи. не смотря на значительные водопады: для обхода Кивача устроенъ особый спускъ. Ниже Кивача Суна судоходна. Выше Нюрос-озеро по С. и сообщающимся съ нею озерамъ и рѣкамъ. на протяженіи 120 вер. ходитъ пароходъ. При устьѣ С. хорошія ловли сиговъ. Населеніе по С. корельское, за исключеніемъ устья, которое издавна занято русскими.“

А. П. В. Энцикл. словарь Брок. и Ефронъ XXXII, 73–74.

Суну Г. Р. Державинъ воспѣлъ въ „Водопадѣ“ такими стихами:

„И ты, о водопадовъ мать, *)
Рѣка на сѣверѣ гремяща,

*) Названіе матери употреблено по отношенію къ Императрицѣ Екатеринѣ II, отъ которой замѣчательные люди могли заимствовать силу и славу, какъ водопадъ Кивачъ отъ р. Суны (объясн. Держ.). По показанію мѣстныхъ жителей число пороговъ на Сунѣ доходитъ до 33 (Гротъ).

Естественно, что про многіе водопады можно узнать только отъ людей, зачѣмъ-либо побывавшихъ въ мѣстахъ ихъ нахожденія. Наиболѣе изученными водопадами являются сунскіе — Кивачъ. Поръ-Порогъ и Гирвасъ, а наиболѣе систематическія изслѣдованія ихъ произведены были, по предложенію проф. Нв. Тиме съ 1899 -1900 г. инжен. Тимоѳѣевымъ. Наименьшій напоръ Кивача, наблюдавшійся Тимоѳѣевымъ, былъ 9,265 м. и наибольшій 9,715 м. Для Поръ-Порога соотвѣтственныя величины составляютъ 15,597 м. и 16,127 м. Можно считать, что Поръ-Порогъ распадается, въ смыслѣ наибольшей выгодности механической утилизаціи, на два водопада—верхній и нижній, одинъ выше другого саженъ на 100.

Проф. Нв. Тиме, которому въ сущности принадлежитъ вся честь изслѣдованія Олонецкихъ водопадовъ, составилъ сравнительную таблицу, изъ которой видно, что бо́льшую силу водопады развиваютъ въ маѣ мѣсяцѣ: Кивачъ—26,000 лошад. силъ (срав. выше у А. Рудницкаго), Поръ-Порогъ—52,000 и Гирвасъ—38,000 л. силъ. Наименьшая сила водопадовъ бываетъ въ мартѣ. Цифры для этого времени года, по вычисленію инженера Левитскаго, нужно полагать слѣдующія: для Кивача—3,600 силъ, Поръ-Порога—7,202 и Гирваса—6,609. Въ среднемъ, въ случаѣ возможности регуляціонныхъ работъ по Суи́, проф. Тиме считаетъ въ Кивачѣ—12,000 лошад. силъ, въ Поръ-Порогѣ—20,000 л. с. и въ Гирвасѣ—15,000 л. силъ.

А. Н. Митинскій.

О Суна! коль съ высотъ блистать
Ты можешь—и, отъ зорь горяща,
Кипишь и свѣшься дождемъ
Сафирнымъ пурпурнымъ огнемъ:
То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна, безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу,
И безъ примѣса чуждыхъ водъ,
Поя златые въ нивахъ бреги,
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги—
Какое зрѣлище очамъ!—
Ты тутъ подобна небесамъ.

КАРТИНЫ ПАДУНОВЪ.

КИВАЧЪ (kiwas—снѣговая гора).

Изъ оды: «Водопадъ» [1])

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами [2]);
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми:
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ:
Стукъ млатовъ слышенъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ [3]).
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ бездиѣ, въ мглѣ!

---

1) Ода „Водопадъ“, состоящая изъ 71 строфъ, написана Г. Р. Державинымъ на смерть Потемкина, который умеръ въ 1791 г. въ степи во время переѣзда своего изъ Ясс въ Николаевъ.

2) Первыя 7 строфъ оды, содержащія въ себѣ описаніе Кивача, могли быть написаны и до смерти Потемкина, безъ всякой посторонней цѣли, только подъ впечатлѣніемъ картины водопада, поразившей воображеніе поэта (Гротъ). Г. Р. Державинъ посѣтилъ Кивачъ, въ бытность свою Олонецкимъ губернаторомъ, 21 Іюля 1785 года. См. „Поденную записку“ поэта, стр. 10—11.

3) Хотя отъ Кончезерскаго завода до Кивача верстъ 20, но въ сильную погоду по вѣтру иногда слышно бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ; тогда шумъ ихъ сливается съ ревомъ водъ въ какую-то дикую гармонію (Объясн. Держ.). Поэтъ самъ не могъ слышать *стуки млатовъ* и проч..

Вѣтрами ль сосны пораженны,—
Ломаются въ тебѣ въ куски [4]).
Громами ль камни отторженны,—
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзають,—
Какъ пыль стеклянна ниспадають [5]).
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ,—
И шерсть на немъ щетиной зрится:
Рожденный на кровавый бой,
Онъ востъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падучихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ,
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ,
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится [6])...

потому что, какъ видно изъ книги Озерецковскаго, заводъ не дѣйствовалъ въ 1785 г., когда Державинъ былъ Олонецкимъ губернаторомъ (Гротъ).

4) Державинъ приказалъ на вершинѣ порога срубить сосну и бросить ее въ стремленіе воды: черезъ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки ея или щепы (Объясн. Держ.).

5) Кивачъ никогда не замерзаетъ и водныя капли падаютъ дѣйствительно какъ стеклянная пыль, въ которой отраженіе солнечныхъ лучей производитъ удивительную игру свѣта (объясн. Держ.). Ср. ниже описаніе Озерецковскаго.

6) Въ 5-й, 6-й и 7-й строфахъ олицетворяются свойства совершенно разнородныя: подъ *волкомъ* разумѣется *злоба*, которая отъ ужаса приходитъ въ ярость; подъ *ланью—кротость*, робкая въ опасности, а подъ *конемъ – гордость* или *честолюбіе*, которое отъ препятствій раздражается и растетъ (Объясн. Держ.). Строфы эти написаны подъ впечатлѣніемъ чтенія „Поэтъ древнихъ барловъ" Шотландца Оссіана, хотя Державинъ остается здѣсь вѣренъ и природѣ мѣстности, окружающей Кивачъ. Берега Суны покрыты лѣсомъ, въ которомъ водятся между прочимъ *волки* и *олени*. „Мы сами въ короткое наше пребываніе у Кивача, пишетъ Гротъ,

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи!- и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмевали
Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; столь дивенъ, столь полезенъ.

Г. Р. Державинъ.

Повторяя сдѣланное Г. Р. Державинымъ описаніе Кивача при самой дико-величественной, потрясающей картинѣ красавца-падуна и какъ бы повѣряя полта, одинъ путешественникъ пишетъ: «не доумѣваешь, чему болѣе дивиться— водопаду-ли, который сообщилъ поэту высокое вдохновеніе или самому пѣвцу, который смѣлою и широкою кистью изобразилъ свои глубокія впечатлѣнія и сталъ въ уровень съ этимъ неуловимымъ явленіемъ, облекъ его въ живыя слова, краски и звуки. Каждая строфа—богатая картина и въ то-же время плѣнительная игра звуковъ. Но образъ Кивача особенно отражается въ 1-й и 3-й строфахъ, въ которыхъ поэтъ описываетъ то впечатлѣніе, которое водопадъ производитъ на чувства зрителя—на слухъ и зрѣніе.

слышали тамъ вой волка. Что касается оленей, то они часто сбѣгаются къ водопадамъ, привлекаемые, можетъ, быть шумомъ падающихъ водъ; такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло на водопадѣ „Бугма“, на р. Кумсѣ. Не безъ основанія введенъ въ картину „водопада“ и *конь*: при неудобствѣ прежнихъ путевыхъ сообщеній многіе (подобно Озерецковскому) ѣздили къ водопаду верхомъ и, чтобъ продолжать путь съ другого берега, переправляли лошадей черезъ рѣку Суну. Идея о символическомъ значеніи 3-хъ животныхъ, вѣроятно, явилась у Державина не сразу, а позже, когда онъ придалъ самому Кивачу, имъ описанному, смыслъ аллегорическій и представилъ въ немъ подобіе человѣческой жизни (строфа 10 и 11-я).

„Поденная записка“ Г. Р. Державина за 21 Іюля 1785 г.

„Изъ Кончезерскихъ заводовъ (желѣзныхъ) поѣхали въ деревню Верхнюю Воронову, въ 10 верстахъ отъ оныхъ отстоящую; изъ Воронова, сѣвъ на лодки, поѣхали по рѣкѣ Суѣ къ порогу, именующемуся Кивачемъ. Сей разстояніемъ отъ деревни находится въ 6 верстахъ. Дикость положенія береговъ и безпрестанныя видовъ перемѣны ежечасно утѣшаютъ взоръ. Проѣхавъ 3 версты, рѣка была покрыта пѣною, и чѣмъ ближе подъ-

ВОДОПАДЪ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами.....
Державинъ.

Отъ Финнъ иль запада къ востоку
Ты катишь воды по скаламъ,
О Суна дивная!—Безсмертному потоку
Должно дивиться смертнымъ намъ,
Изъ водопадовъ всѣхъ твоихъ,
Какъ полубогъ, краса Корелы—
Кивачъ, въ ущеліяхъ своихъ,

ѣзжали, тѣмъ пѣна сія была густѣе и, насѣдая на берега, казала оные какъ бы унизанными бѣлыми каменьями. Въ верстѣ отъ пороговъ показался въ правомъ боку дымъ, который по мѣрѣ приближенія сгущался. Наконецъ, приставъ и взошедъ на гору, увидѣли мы пороги сіи. Между страшными крутизнами черныхъ горъ, состоящихъ изъ темносѣраго крупнозернистаго кнейса, находится жерло глубиною до 8-ми сажень; въ оное съ горъ, лежащихъ къ востоку и полудню, падаетъ съ великимъ шумомъ вода, при паденіи разбивается въ мелкіе брызги на подобіе разсыпанной во множествѣ муки. Пары, столбомъ возстающіе, досягаютъ до вершинъ двадцатипятисаженныхъ сосенъ и оныя омочаютъ... Чернота горъ и сѣдина біющей съ шумомъ и мѣняющейся воды наводятъ нѣкакій пріятный ужасъ и представляютъ прекрасное зрѣлище".

Г. Р. Державинъ.

Изъ путешествія академика Н. Озерецковскаго (въ 1785 г.)

Описаніе Кивача.

Съ острова Лычнаго отправился я въ деревню Сопоху, при концѣ губы (Сандала озера) лежащую, чтобы отсюда пробраться къ порогу Кивачу, на рѣкѣ Суѣ находящемуся, до котораго отъ Сопохи около 12 верстъ надобно было ѣхать верьхомъ черезъ густой лѣсъ.

Шумъ падающей съ Кивача воды возвѣстилъ намъ о его близости, прежде нежели мы подъѣхали. тутъ представился зрѣнію каменный непорядочный утесъ поперегъ рѣки лежащій, на которомъ находятся три уступка, одинъ другого выше. Съ первыхъ двухъ уступковъ збѣгаетъ вода находящимися между камнями рытвинами и падаетъ на третій уступокъ, съ котораго въ великомъ количествѣ низвергается она въ глубокой богачъ, въ низу порога находящійся, куда упадая обращается въ пѣну и обильной даетъ отъ себя паръ, который поднявшись въ верьхъ ложится на дерева близъ берега растущія, и мочитъ ихъ вѣтьви до самыхъ вершинъ: отъ чего въ зимнее время стоятъ онѣ обвѣшаны большими ледяными сосулькаками. Въ весеннюю водополь паденіе воды бываетъ здѣсь столь сильно, что большіе бревна, пущенные съ порога, на двое и больше переламываются.

П. Озерецковскій.

Рѣкѣ поставилъ ты предѣлы.
И неколебимый гранитъ,
Водами быстрой, мрачной Суны
Безвредно осклабясь, сидитъ,—
И не разятъ его перуны.
И какъ гигантъ, весь натискъ водъ
Съ семисаженной высоты
Со скалъ кидаетъ онъ впередъ.
И отъ излишней тѣсноты
Онѣ клубятся вверхъ—сверкаютъ,
Дробясь дымятся, ниспадаютъ,
Въ пучину бездны стремглавъ летятъ,
Какъ вихорь въ воздухѣ жужжатъ.
И съ ревомъ гулъ несется шумный,
Со встрѣчной пѣною густой.....
О, водопадъ въ Европѣ чудный!
Твоимъ величьемъ, красотой
Пѣвца Державина обильный
Умъ начерталъ алмазный путь.
Какъ исполинъ, поэтъ сей дивный
Велитъ молчать и отдохнуть.

П. Граве.

5 Августа 1845 г.
Заводъ Кончъ-Озерскій.

КИВАЧЪ И ЕГО БРАТЬЯ.

Въ Олонiи, на Сунѣ, рѣчкѣ горной,
Шумитъ Кивачъ.... То чудный водопадъ.
Кивачъ волною бурой и упорной
Пробилъ себѣ просторъ средь каменныхъ преградъ.
Лежатъ кругомъ тутъ скалы діорита.
На тѣхъ скалахъ растетъ издревле хвойный лѣсъ.
Страна кругомъ красой его покрыта
И шумомъ водопада будитъ интересъ.
Бушующiй Кивачъ красивъ для взора,
Особенно весной, когда растаетъ снѣгъ.
Ему тогда не мало есть простора.
Тогда имѣетъ онъ быстрѣйшiй, легкiй бѣгъ.
Весной Кивачъ на всемъ своемъ просторѣ
Шумитъ, бурлитъ, клокочетъ, стонетъ и реветъ,

Какъ будто-бы находится онъ въ горѣ....
Порою онъ и скалы каменныя рветъ,
Ломая на пути своемъ преграды,
Кивачъ стремглавъ бросается со скалъ,
Кидаетъ съ силою свои каскады
И будто радъ, что онъ свободенъ уже сталъ.
Летятъ при этомъ брызги водопада
Каскадами и вверхъ надъ областью рѣчной.
Видна тутъ страшная воды громада
И шумъ разносится по всей странѣ лѣсной,
Какъ будто здѣсь чудесные гиганты
Какія то дѣла чудесныя творятъ,
А брызги часто, будто брилліанты,
При свѣтѣ солнечномъ, съ игривостью блестятъ....
На Сунѣ есть другіе водопады.
И тѣ плѣняютъ взоръ своею красотой!
Несясь бурливо, шумно чрезъ преграды.
Они чарують всѣхъ весенней широтой.
Поближе къ Кивачу блеститъ красиво
Весьма широкій по разливу Поръ-Порогъ.
И тамъ же Гирвасъ льетъ игриво
Свои струи вблизи отъ тропокъ и дорогъ.
Для Кивача они—родныя братья
По Сунѣ рѣчкѣ, матери своей родной,
Они имѣли съ Кивачемъ объятья
Одни отъ самыхъ древнихъ поръ въ странѣ лѣсной.....

Д. П. Ягодкинъ.

ОБЩІЙ ВИДЪ КИВАЧА ВЕСНОЮ.

Мнѣ кажется, едва-ли даже крупному художнику будетъ по силамъ «разсказать» чудную красоту Кивача. Вѣроятно, только Тургеневъ могъ бы своими изящными *стихами въ прозѣ* дать читателю грандіозную, поразительную картину *самаго краснваго въ Европѣ водопада* въ его характерно-сѣверной пустынно-дикой обстановкѣ.

И конечно, не буду даже пытаться осилить непосильное.

Я хочу только подѣлиться съ тѣми, кто не видалъ Кивача, своимъ настроеніемъ, которое постепенно нарастетъ по дорогѣ къ Кивачу и могучей волной охватываетъ душу у самаго водопада.

Обыкновенно, когда вашему впечатлѣнію предшествуетъ крупная репутація, когда вы ожидаете увидѣть, напримѣръ, знаменитаго артиста, прославленную красавицу, или вообще что-нибудь исключительное, вы непремѣнно будете въ концѣ концовъ нѣсколько разочарованы, оригиналъ будетъ или покажется вамъ ниже людской молвы.

Кивачъ—напротивъ. Онъ гораздо лучше въ дѣйствительности, чѣмъ въ разсказахъ, описаніяхъ и фотографіяхъ.

Сѣверъ, съ его безграничными перспективами, съ однообразными, но захватывающими душу далями сплошного лѣса, или озеръ—морей, въ изумительномъ освѣщеніи серебряныхъ, бѣлыхъ ночей, или облачныхъ, угрюмыхъ дней, съ безлюдьемъ, съ просторомъ, съ жуткимъ чувствомъ беззащитной заброшенности, но и съ могучимъ сознаніемъ свободы, вѣры въ свои силы, въ возможность борьбы съ непогодой, волнами, скалами, съ лѣсной тайгой,—сѣверъ такъ близокъ, такъ понятенъ, такъ гармонируетъ всему складу жизни и внутреннему настроенію русской души.

Сѣверъ—это унылая, но и могуче-удалая пѣснь новгородской вольницы, Ермака въ Сибири, русскихъ войскъ всюду, гдѣ они бывали, въ Турціи, въ Западной Европѣ, въ центральной и восточной Азіи.

На сѣверѣ иные свѣтъ и тѣни, иные звуки, чѣмъ на югѣ Италіи, или даже въ снѣговыхъ вершинахъ швейцарскихъ Альпъ, но они еще болѣе властны, еще болѣе захватываютъ человѣка.

Кивачъ—это поэзія сѣвера. Это сѣверный богатырь. Одинокій, угрюмый, но не знающій страха, стиснутый скалами, почти захваченный въ плѣнъ, но не побѣжденный, а бурно рвущій гранитныя преграды.

Вся дорога отъ Петрозаводска къ Кивачу, 65 верстъ, чрезвычайно живописна... За поворотомъ отъ послѣдней предъ Кивачемъ деревни Викшицы дорога входитъ въ «глухой» лѣсъ. Громадныя осины, рѣже березы и еще рѣже ели или сосны, съ густымъ непролазнымъ болотистымъ подлѣскомъ холодно и угрюмо охватываютъ путника. Какъ то сразу дѣлается жутко... И быстро приближался къ Кивачу въ безвѣтренное, пасмурное утро. Изъ лѣсной чащи

Общій видъ Кивача съ моста.

(Съ фотогр. П. П. Мегорскаго).

тянуло замѣтнымъ холодкомъ, тишина въ «глухомъ» лѣсу была полная, но даже за двѣ и за одну версту до Кивача не слышно было грохота водопада. Подъ вѣтеръ со стороны Кивача, говорятъ, шумъ низвергающейся массы воды слышенъ почти за 5 верстъ, у Викницы. Въ тихій же день скалистые берега водопада и густой, сплошной лѣсъ совершенно изолируютъ водопадъ со стороны дороги, и я услышалъ шумъ воды при спускѣ на мостъ черезъ Суну, когда черезъ двѣ-три минуты, совсѣмъ внезапно, открылся съ моста чудный видъ на Кивачъ во всей поразительной красотѣ общей картины могучаго водопада, стиснутаго гранитными утесами. Широкая лента рѣки, вверхъ и внизъ по теченію, въ крутыхъ берегахъ, обрамленныхъ съ одной стороны высокою стѣною ярко-зеленаго лѣса, съ другой желтѣющими пожнями и затѣмъ опять безконечнымъ лѣсомъ, во всю ширь и даль громадной перспективы, дополнила картину водопада. Мостъ перекинутъ черезъ рѣку какъ разъ противъ водопада, саженяхъ въ 100 ниже, еще въ порожистомъ бурливомъ теченіи Суны.

Кто хочетъ охватить всю картину водопада, въ перспективѣ береговъ и далей красавицы Суны, тотъ пусть смотритъ на Кивачъ съ моста, или съ береговой бесѣдки, построенной на высокой скалѣ надъ самымъ «падупомъ», какъ здѣсь называютъ водопадъ. Тогда зритель увидитъ на заднемъ далекомъ планѣ еще спокойную, чуть-чуть покатую гладь широкой Суны въ берегахъ, покрытыхъ крупнымъ лѣсомъ до самой воды. Къ скаламъ водопада теченіе рѣки замѣтно ускоряется, рѣка рябитъ бурливыми струями надъ подводными камнями. Начинается первый порогъ, съ котораго рѣка ровнымъ уступомъ и сплошной массой все еще плавно скатывается ко второму, уже болѣе стиснутому порогу, частію отклоняясь къ лѣвому берегу, здѣсь нѣсколько отодвинутому отъ разорванныхъ камней, громоздящихся продольно теченію.

На второмъ порогѣ, стиснутомъ и крутомъ, масса воды темнѣетъ и угрожающей тучей, точно расплавленное черно-бурое стекло, плыветъ въ «падунъ» съ ужасающей силой, которой нѣтъ преградъ, которую невозможно задержать никакими загражденіями человѣческой техники. Эта громада воды рушится въ бездну водянаго буруна, но на пути третьяго порога, очевидно, несокрушимо держится горбомъ подводная, продольная скала и здѣсь постоянно нарастаетъ грохочущій гребень водопада, точно живое чудовище, которое ежесекундно измѣняетъ свои очертанія, но вѣчно остается вскинутымъ въ воздухъ напоромъ водяной массы на безпощадно

рѣжущій ее хребетъ утеса. Внизу- -облако пѣны, брызгъ и водяной пыли, высоко вздымающейся надъ буруномъ. Со стѣнъ продольно боковыхъ утесовъ чудно *красивые каскады* несутся въ ту же водяную бездну и *такъ изумительно напоминаютъ Шафгаузенъ на Рейнѣ.* Далѣе бурунъ водопада постепенно слабѣетъ въ мелкихъ камняхъ порожистаго теченія Суны и только длинныя струи водяной пыли свидѣтельствуютъ, какъ трудно было рѣкѣ пронестись въ этой части ея теченія. Затѣмъ, сколько глазъ хватитъ внизъ по теченію. Суна покойно, широко, темнозеркальной лентой идетъ въ глубокихъ лѣсныхъ берегахъ, точно говоря человѣку: все минуетъ, все можно преодолѣть и, вѣрь, дѣйствительно нѣтъ такого труднаго положенія, изъ котораго не было бы исхода....

Никакихъ отелей, никакихъ культурныхъ удобствъ (кромѣ изящнаго деревяннаго павильона) на Кивачѣ нѣтъ и едва ли они скоро будутъ имѣть тамъ мѣсто. Лучше это или хуже для Кивача? Рѣшать не берусь, но, на мой вкусъ, какъ будто лучше ради цѣльности картины дикой, угрюмой пустыни сѣвера.

Къ моему отъѣзду съ Кивача небо расчистилось и могучій водопадъ былъ залитъ солнечнымъ свѣтомъ. И хмурый, и сверкающій онъ одинаково покоряетъ зрителя, которому такъ трудно оторваться, можетъ быть надолго, можетъ быть навсегда отъ этого чуднаго по красотѣ мѣста и возвратиться въ сутолоку житейскихъ будней.

И. И. К.

Шумъ Кивача слышится въ тихую погоду за 5 верстъ. Сквозь густой лѣсъ, сквозь трепетъ осины, громадные посѣдѣвшіе стволы которой высятся по обѣимъ сторонамъ дороги, доносится этотъ шумъ, сначала не ясный, потомъ болѣе опредѣленный, сильный. А въ полуверстѣ отъ водопада уже ясно слышится бѣшеный шумъ паденія воды. Въѣхали на мостъ на Суѣ, покрытой бѣлой пѣной и передъ вами открывается весь водопадъ.

Съ моста видна лишь сплошная, бѣлая стѣна водопада и стоитъ оглушительный шумъ; но подойдите поближе, и увидите водопадъ во всѣхъ его подробностяхъ. На правомъ (по теченію лѣвомъ) берегу выстроенъ среди лѣса павильонъ, въ которомъ останавливаются пріѣзжіе, на лѣвомъ, болѣе высокомъ стоитъ бесѣдка. Рѣка Суна, стѣсненная каменными берегами, быстро течетъ на береговыя скалы и, встрѣтивъ ихъ, съ силой поворачиваетъ въ сторону, вправо: но, тутъ она встрѣчаетъ скалистый обрывъ, въ

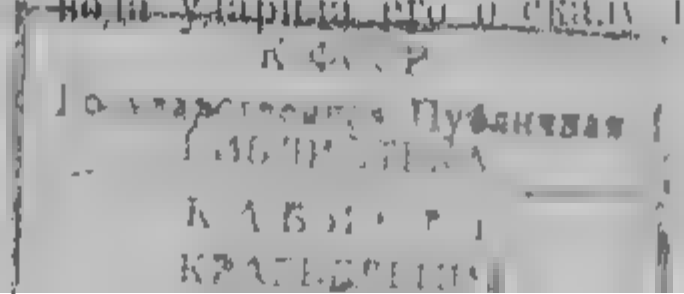
который и падаетъ съ ужасающей быстротой. Нельзя представить себѣ этой громадной силы воды, силы, развившейся сначала въ тѣснотѣ каменистыхъ береговъ, затѣмъ въ борьбѣ съ торчащими скалами и наконецъ въ паденіи по 4 уступамъ съ высоты шести сажень. Весь водопадъ узокъ, ширина его не превышаетъ 20 саженъ, но тѣмъ сильнѣе напоръ воды, и тѣмъ красивѣе фонтаны и каскады по правой сторонѣ его, изобилующей скалами. Боковой спадъ Кивача удивительно красивъ, а въ самомъ фарватерѣ водопада видна лишь громадная, несокрушимая сила. Здѣсь изъ вѣка въ вѣкъ идетъ борьба между водой и камнемъ, великая борьба, въ которой вода все-таки выходитъ побѣдителемъ. Но присмотритесь и прислушайтесь, чего стоитъ эта борьба; камень дрожитъ подъ вашими ногами, дрожитъ изо дня въ день, изъ вѣка въ вѣкъ непрестанной, гренетной дрожью: вода, разбитая камнями вдребезги, въ милліарды брызгъ, носится въ воздухѣ вѣчнымъ, никогда не перестающимъ дождикомъ, въ которомъ при солнцѣ играетъ разноцвѣтная радуга. Эти борцы подняли здѣсь страшный ревъ, заглушающій человѣческую рѣчь на разстояніи одного шага; ревъ разносится по окрестности и слышится далеко.

Я стоялъ на правомъ берегу Кивача, у бесѣдки, и слушалъ эту шумную музыку водопада, словно военный маршъ идущихъ въ сраженіе какихъ-то невѣдомыхъ силъ. Силы сталкиваются, сражаются, а музыка гремитъ и гремитъ. Гремитъ она вѣчно. Но прислушайтесь хорошенько. Въ этомъ общемъ хаосѣ звуковъ можно уловить отдѣльныя части музыки. Вотъ на этомъ уступѣ раздается свой маршъ, на второмъ свой, на остальныхъ свои; а боковые каскады играютъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ свои марши; всѣ эти звуки летятъ внизъ, тамъ соединяются въ одну общую стройную музыку, которая летитъ куда-то въ кипящую, бѣлую бездну и, вылетая оттуда, продолжаетъ играть свой военный кличъ.

И когда стоишь на высокой скалѣ, а у ногъ твоихъ борцы поютъ то торжественно-побѣдныя, то похоронныя пѣсни, тогда невольно самому хочется присоединиться къ этой музыкѣ, является непреодолимое желаніе пѣть, пѣть какую-нибудь древнюю сагу, или великое міровое преданіе.

Сила покоряетъ. И если вамъ мало этого вида бѣшено стремящейся воды и кипящихъ пучинъ, посмотрите на это громадное бревно, которое быстро несется по рѣкѣ. Оно подплыло къ утёсамъ, закружилось, — волны ударили его о скалу и, какъ щепку, не-

Книга № 504



ломила на-двое. А звука перелома и не слышно. Потомъ вода бросила обломки внизъ, въ бездну, и они тамъ исчезли. Если они застрянутъ тамъ, въ безднѣ, вода измочалитъ ихъ, превратитъ въ мелкія щепки... А вонъ плыветъ другое бревно; оно проскользнуло по верху водопада: но на послѣднемъ уступѣ вода подхватила его и какъ перышко бросила въ бездну. Черезъ нѣсколько минутъ это бревно торчкомъ выскочило изъ бездны, высоко поднялось стоймя въ воздухѣ и упало уже внѣ водопада.

Что тамъ въ этой ревущей и клокочущей безднѣ водопада? какъ глубока она? какая сила въ ней скрыта?... А въ ста шагахъ отъ этой бездны рыбаки уже ловятъ въ быстрой водѣ Суны лососей.

М. А. Круковскій.

КИВАЧЪ ВЪ БѢЛУЮ МАЙСКУЮ НОЧЬ И ПРИ ПЕРВЫХЪ ЛУЧАХЪ ВОСХОДЯЩАГО СОЛНЦА.

Кивачъ—одно изъ великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ природы Петрозаводскаго уѣзда. Интересно взглянуть на него во всякое время года, но весною, во время половодія и оживленія природы, еще интереснѣе любоваться водопадомъ... Приближаясь къ нему въ свѣтлую майскую ночь, которыя не рѣдко напоминаютъ очаровательныя, полныя нѣги ночи юга, вы за нѣсколько верстъ уже видите признаки близости водопада... И рѣка, покрытая пѣною, и огромный столбъ водяной пыли, ясно рисующійся на темноголубомъ фонѣ неба, отъ дуновенія вѣтра принимающій фантастическія формы и какъ призракъ скользящій по воздуху, наконецъ, страшный, невыразимый ревъ водопада среди царствующей кругомъ тишины—все это произведетъ глубокое впечатлѣніе. Но вотъ, при первыхъ лучахъ весенняго солнца вы видите самый водопадъ, зрѣлище, котораго не выразитъ никакая кисть. Вы становитесь какъ-бы въ оцѣпенѣніи, вы теряетесь, чувствуете себя подавленнымъ, уничтоженнымъ этимъ грознымъ, величественнымъ явленіемъ природы и только черезъ нѣсколько минутъ бываете въ состояніи насладиться и дать отчетъ себѣ въ томъ, что происходитъ предъ вашими глазами.... Нетрудно представить, какова должна быть сила напора воды въ Сунѣ - рѣкѣ, которая съ быстротою бѣжитъ сотни верстъ по наклонному направленію и которая въ теченіи своемъ, усиливъшись до глубины значительной рѣки, вдругъ встрѣчаетъ преграду въ огромной скалѣ. Это—гранитная гора, съ

грехъ сторонъ охватившая Суну, которая не находя выхода, бросилась терзать гору, и вотъ произошла между ними борьба, не утихающая ни на одно мгновеніе, при взглядѣ на нее васъ заливаетъ свѣтлыми волнами жизни и наполняетъ все существо ваше чувствами, до тѣхъ поръ не испытанными.

Трудно рѣшить, которая изъ борющихся силъ взяла верхъ. Правда, рѣка пробилась, нашла себѣ дорогу; но это не обошлось ей даромъ. Скала, на которую она бросилась съ такою яростью, заставила ее летѣть съ шестисаженной, отвѣсной высоты, раздробила ее на капли, обратила въ облако пыли, заставила летѣть на воздухъ. Зато сильно пострадала и скала. Разъяренная Суна сорвала съ нее верхнюю часть, усѣяла слѣдъ свой ея обломками и, заставивъ скалу служить вѣчнымъ себѣ помостомъ, изъ остатковъ ея воздвигла въ честь своей побѣды памятникъ, который возвышается въ обломкахъ гранитной горы на самой точкѣ паденія водопада.

Кивачъ, какъ мы сказали, производитъ на душу глубокое, невыразимое впечатлѣніе, особенно въ свѣтлую весеннюю ночь; но онъ величественно прекрасенъ во всякое время дня. Кажется, самое солнце любуется имъ, украшая его всѣми цвѣтами радуги, играя на немъ своими лучами во всевозможныхъ ихъ переливахъ и измѣненіяхъ.... Трудно представить зрѣлище привлекательнѣе Кивача! Въ немъ какъ будто скрывается чарующая сила, которая неодолимо влечетъ васъ къ себѣ, такъ что вы не можете имъ довольно насладиться и оторвать отъ него свое зрѣніе; удаляясь вы невольно обращаетесь къ водопаду, пока онъ не скроется отъ вашихъ глазъ, и уносите съ собой одно изъ тѣхъ воспоминаній, которыя никогда не забываются. Каждая вещь въ природѣ есть слово, выражающее извѣстную мысль безконечнаго Промысла, но такія явленія, какъ Кивачъ, составляютъ живой глаголъ, потрясающій вашу душу въ самой глубинѣ ея и наполняющій все существо ваше благоговѣніемъ къ премудрости и всемогуществу Творца.

А. О. Ласточкинъ.

Кивачъ, воспѣтый Державинымъ, посѣщаемый многими путешественниками, которые иногда спеціально для этого пріѣзжаютъ изъ С.ПБ., составляетъ гордость жителей Петрозаводска.

Благодаря удобному сообщенію, изъ Петрозаводска часто отправляются большими компаніями на Кивачъ -рѣже къ двумъ другимъ Сувскимъ водопадамъ Гирвасу и Поръ-Порогу.

Намъ посовѣтовали ѣхать утромъ, чтобы къ вечеру быть у водопада, ночевать тамъ у сторожа и на слѣдующій день видѣть восходъ солнца, отражающійся, по словамъ мѣстныхъ жителей, блестящей радугой на бѣлой пѣнѣ водопада.

Былъ Троицынъ день, когда мы выѣхали изъ Петрозаводска на Кивачъ...

Безмолвная лѣсная чаща по обѣимъ сторонамъ дороги: ясное голубое небо, усѣянное бѣлыми облаками, игра утреннихъ лучей солнца на свѣжей зелени деревьевъ вотъ общее впечатлѣніе отъ послѣднихъ 15 верстъ до Кивача, оставившее неизгладимый слѣдъ въ моей памяти.

Ямщикъ внезапно осадилъ лошадей. Мы находились на краю крутого спуска. Таинственно шумитъ по сторонамъ лѣсъ, весь пропитанный солнечными лучами. Изъ—за его густой зеленой стѣны слышался могучій ревъ. Откуда-то несся запахъ свѣжести.

«Пѣшкомъ бы тутъ пройти вамъ, а я бы потихоньку и спустился за вами. Падунъ (водопадъ) тутъ и есть.»

Голубая красавица Суна гнѣвно метала бѣлые клубы пѣны по камнямъ пороговъ. Шумя и спѣша убѣгала она, скрываясь за крутыми извилинами зеленыхъ береговъ.

Выше «падуна» сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ въ лучахъ солнца. Бѣлая пѣна, бѣлая водяная пыль—все смѣшалось и образовало одну сплошную массу, клокочущую, разрывающуюся, дробящуюся и сливающуюся снова. Утреннія лучи солнца, преломляясь, ложились блестящей радугой у ногъ падуна Мрачно выдвигались черные утесы изъ клокочущей пѣны.

Голубая красавица Суна тихо выплываетъ изъ лѣсу и мирно катитъ она свои свѣтлыя волны, не подозрѣвая опасности. И вдругъ видитъ—стоятъ черные, мрачные утесы, загородили, заступили ей дорогу. И проситъ красавица Суна: «пропустите утесы, дайте дорогу.» Стоятъ черные утесы, усмѣхаются: «попробуй, красавица, сама пройти—авось посчастливится; держать насильно не станемъ». Видитъ Суна—пройти трудно будетъ, и заворачиваетъ она тихонько въ сторону, чтобы выиграть время. А сама все ластится: «дайте пройти утесы.» «Проходи, проходи, красавица.» И рѣшилась Суна на трудное дѣло: пройти во что-бы то ни стало. Бросается она грудью на утесы, спѣшитъ, мечется въ разныя стороны. Разрываютъ ее утесы, ставятъ преграды, ловятъ красавицу да вырывается она всею силою вотъ и вырвалась, и, еще утомленная

Лѣтній видъ на павильонъ и часть водопада съ праваго (по теченію) берега.
(Съ фотогр. П. П. Мегорскаго).

трудной, почти непосильной борьбой, гнѣвная, испуганная, собирая разрозненныя струи, бѣжитъ она изо всѣхъ силъ дальше отъ мѣста страшной борьбы.

Самый лучшій видъ на водопадъ Кивачъ открывается изъ такъ называемаго Царскаго Дворца, *) построеннаго здѣсь для пріѣзда Государя Александра II въ 1858 г. Построенный по образцу павильона при Ренискомъ водопадѣ, царскій павильонъ красиво глядится среди зелени деревьевъ. Легкая, едва замѣтная водяная пыль долетаетъ до его балкона - до того близко стоитъ онъ къ водопаду. Кругомъ шумъ и ревъ: грохочетъ водопадъ: шумитъ, ударяясь о скалистый берегъ, освободившаяся Суна, шумитъ и кипитъ кругомъ отведенная въ сторону часть воды, которая, огибая павильонъ, покрытая бѣлой пѣной, стремительно пробѣгаетъ по деревяннымъ желобамъ и снѣшитъ снова соединиться съ родными струями.

«Жаль, что вы поздно ѣдете на Кивачъ, говорили намъ въ Петрозаводскѣ; лучшее время для поѣздки на Кивачъ – ранняя весна, когда гонятъ лѣсъ. Вотъ что дѣйствительно интересно посмотрѣть.» Когда весною сплавляютъ лѣсъ по Супѣ, отдѣльныя бревна часто застреваютъ среди утесовъ на Кивачѣ. Мужики, которымъ поручено надзоръ за лѣсомъ, протягиваютъ канатъ съ одного берега на другой и надѣваютъ на него такъ называемую «люльку,» въ которую садится одинъ изъ мужиковъ. Наклоняясь осторожно изъ «люльки» онъ долженъ баграмъ отцѣпить застрявшія бревна. Можетъ быть интересная, но зато какая страшная картина! **) Видѣть человѣка почти что въ рукахъ смерти, который отъ одного неловкаго движенія можетъ скатиться въ эту клокочущую бездну, изъ которой иногда самыя толстыя бревна выходятъ изломанными въ щепки...

Ревъ водопада давно остался за нами; мы возвращаемся въ Петрозаводскъ; опять окружаетъ насъ безмолвіе лѣса. Тѣ же мѣста, только при другомъ освѣщеніи. Дневные лучи солнца жарче и живѣе утреннихъ, и какъ будто больше живетъ и дышетъ кругомъ природа.

В. Х.

---

*) Билеты для входа въ этотъ Дворецъ—павильонъ можно достать у управляющаго Петрозаводскимъ Александровскимъ заводомъ.

**) См. ниже преданія о Кивачѣ.

РАДУГА НА КИВАЧѢ ВЪ 4 ЧАСА УТРА.

Террасы павильона служатъ лучшимъ пунктомъ, откуда можно любоваться общею картиной водопада, въ особенности при восходѣ солнца, когда «Алмазная гора» является въ полномъ своемъ торжественно-грандіозномъ величіи.

Лишь только солнце показывается изъ—за деревьевъ, окружающихъ берега р. Суны и водопада, тотчасъ же появляется радуга, которая однимъ концомъ начинается изъ водяныхъ столбовъ водопада, а другой, какъ бы, опирается въ воду у самаго моста. По мѣрѣ того, какъ солнце поднимается выше, радуга переходитъ все правѣе и около 4 часовъ утра весь водопадъ окружается широкой, самыхъ яркихъ цвѣтовъ радугой, концы которой касаются гранитныхъ скалъ обоихъ береговъ. Съ моста открывается эффектная картина крутого поворота рѣки въ правую сторону, причемъ отъ водопада до моста образуется родъ озера, покрытаго сплошной пѣной. Видъ пѣны, напоминающей снѣгъ, особенно красивъ отъ контраста его со свѣжею и густою зеленью обоихъ береговъ рѣки. Мѣстами пѣна ложится у береговъ большими наслоившимися буграми и пропадаетъ совсѣмъ только за нѣсколько верстъ отъ водопада.

В. Свинцовъ.

ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ НА КИВАЧѢ (2 ч. утра -3 ч. дня.)

Бѣлая (весенняя) ночь смотритъ съ неба и сквозитъ въ кружева неподвижной въ сонномъ воздухѣ листвы.

Но, чу! Никакъ подымается вѣтеръ.

Слышите, лѣсъ зашумѣлъ. Однако все тѣже стоятъ неподвижныя деревья, не колеблятся, не качаются вершины ихъ, уснувшія подъ безоблачнымъ свѣтлымъ небомъ. Но словно неосязаемое дуновеніе, сквозь чащу кустарника, промежъ темныхъ стволовъ плыветъ и льется симфонія далеко шумящаго моря.

— Да это Кивачъ слышенъ!

— Кивачъ?

— Прислушайтесь!

Мы стоимъ неподвижно и слушаемъ. Ровный мелодичный рокотъ несется по воздуху.

— А вѣдь вѣрно, Кивачъ!

— Да, безъ сомнѣнія!

— Какъ далеко слышно, за четыре версты!

Чѣмъ ближе подходимъ мы, тѣмъ яснѣе и звучнѣе рокотъ. Уже слышны въ ровномъ гулѣ отдѣльныя ноты, которыя выдѣляются на фонѣ его, какъ яркія краски на картинѣ.

Вотъ и лѣсъ кончается. мостъ, стремительно несется и пѣнится подъ нимъ Суна.

Это былъ торжественный моментъ, когда съ моста открылся видъ на Кивачъ. Мы шли, не отрывая отъ него взоровъ. Было два часа ночи, но свѣтло какъ днемъ, и пѣнистыя струи воды ясно вырѣзывались между темныхъ скалъ и деревьевъ. Вотъ и павильонъ направо. Мы приближаемся къ нему, переходимъ мостки надъ разорванными пропастями, гдѣ всюду журчитъ вода, сочась по мельчайшимъ трещинамъ, и останавливаемся у запертой двери. Иванъ Григорьевичъ (спутникъ автора) отправляется искать сторожа и долго бродитъ гдѣ то, а я стою и любуюсь Кивачемъ. И когда наконецъ явился сторожъ, отперъ дверь и мы могли войти на балконъ, висящій надъ самымъ Кивачемъ, то долго стояли, пораженные величественнымъ зрѣлищемъ Груды воды падали съ оглушительнымъ грохотомъ въ клокочущую пѣну. вздымая пыльное облако мельчайшихъ брызгъ, облескивая черные утесы, и производя внизу все тѣже узоры пѣны и водоворотовъ. Изъ бѣлой воды на самомъ водоскатѣ. точно гигантскіе зубы, торчали утесы—камни. Все бѣшенно движется, и все же остается на мѣстѣ. Обманъ движенія въ покоѣ или покоя среди движенія вызывается встрѣчей и столкновеніемъ двухъ силъ. Мрачный разбитый трещинами діоритъ упрямо и молчаливо упираетъ свою каменную грудь навстрѣчу водѣ—эмблема какой то любви къ покою и неподвижности. Вода, наоборотъ, эмблема кипучей страсти и движенія. Вздымая все новые и новые водометы, стрѣлой уносится она прочь, бѣшенно бьетъ, плещетъ, кипитъ и неумолчно реветъ, рокочетъ и оурлитъ, отчаянно и злобно, стремясь раздвинуть сжавшую ее громаду, подавить эти черные зубья, упорно торчащіе поперекъ ея стремленія. Кто побѣдитъ въ этой борьбѣ, не знающей пощады и примиренія? Вѣчная ли сила, стремящая себя и все

живое съ собой впередъ и впередъ, кидающая все новыя и новыя массы энергіи и вещества въ пекло борьбы, или эта, разъ созданная и окаменѣвшая въ неподвижныхъ формахъ жажда покоя и старины. Діариты Кивача, какъ и вся окрестная природа, какъ и люди этой страны дремучихъ лѣсовъ и стоячихъ болотъ, производятъ впечатлѣніе, что пока перевѣсъ на сторонѣ косной силы покоя. Напрасно шумятъ рѣки по камнямъ на порогахъ, вода ихъ, можетъ быть, единственное, что живетъ и движется впередъ въ этомъ краѣ....

Было около 5 час. утра, когда мы удалились на покой въ домишко вдали отъ водопада... и заснули здѣсь подъ громовой грохотъ Кивача.

Поднялись мы поздно, должно быть въ одиннадцатомъ часу, умылись въ струѣ водопада и пили чай въ павильонѣ. Кивачъ былъ чудно красивъ въ привѣтливомъ блескѣ солнечнаго утра: внизу поперекъ главнаго паденія въ облакѣ пыли легкой прозрачной аркой висѣла радуга, и яркіе блески на струяхъ воды, на пѣнѣ, еще рѣзче оттѣняли мрачный цвѣтъ темныхъ утесовъ.

Черезъ Суну у Кивача перекинуто два моста. Первый широкій и основательный, имѣлъ по серединѣ павильонъ самоѣдско-индусскаго стиля, представлявшій такой видъ, точно его воздвигли для примирительнаго банкета тѣхъ устьсысольскихъ и сольвычегодскихъ купцовъ изъ «Мертвыхъ душъ», которые уходили другъ друга подъ микитки и въ другія мѣста. Другой мостъ былъ длинный пѣшеходный и велъ къ бесѣдкѣ, воздвигнутой на вершинѣ утеса. Бесѣдка была построена, повидимому, въ томъ разсчетѣ, чтобы въ ней нельзя было сидѣть—ее всю обволакивала пыль Кивача, такъ что перила, скамьи и полъ блестѣли въ потокахъ и лужахъ воды. Вѣтеръ несъ пыль прямо въ эту сторону и кусты, и деревья, и трава были зачно обрызганы ею, а клочки почвы на діоритѣ представляли чистое болото, въ которомъ глубоко и скользко вязли ноги. Вотъ съ этой стороны діоритовому утесу угрожаетъ гибель. Корни деревьевъ и другихъ растеній, внѣдрясь въ него, кислымъ сокомъ своимъ медленно травятъ и расщепляютъ камень въ союзѣ съ воздухомъ, морозомъ и водой. Тропинка отъ моста, взвиваясь на утесъ, уходитъ по правому берегу Кивача по опушкѣ веселаго лѣса далеко вдоль Суны и, пробираясь по ней, можно удобно осмотрѣть все паденіе воды. Кивачъ отнюдь не состоитъ изъ одного уступа, какъ Ніагара; я насчиталъ на немъ 1 уступа поперекъ рѣки и 3 боковыхъ, расположенныхъ вдоль лѣваго берега....

„Падунецъ“ на лѣсной рѣчкѣ

(Съ фотогр. П. П. Ползунова).

При отбытіи съ Кивача жена сторожа принесла книгу, въ которую вписять свои имена посѣтители Кивача. Мы долго перелистывали ее, читали фамиліи нашихъ предшественниковъ, нашли нѣсколько знакомыхъ, нѣсколько извѣстныхъ именъ. И, конечно, стихи

Въ дорогѣ много неудачъ
Я перенесъ. Не каюсь въ этомъ.
Увидя пѣнистый Кивачъ,
Самимъ Державинымъ воспѣтый

написалъ одинъ посѣтитель съ фамиліей извѣстнаго поэта Плещеева, но не онъ: здѣсь стояло имя Александръ, а поэтъ — Алексѣй. Мы начертали и наши имена въ книгу... Однако, многіе посѣтители прибѣгаютъ къ записямъ иного рода, не столь безобиднымъ. Именно, не мало попликовъ, которымъ величіе природы кажется ниже ихъ собственнаго достоинства, любятъ прибѣгать къ надписямъ на самой картинѣ, уродуя ее и отравляя этимъ производимое ею впечатлѣніе. На главномъ утесѣ, среди ревущей пѣны Кивача красуется надпись Elise. Я не могъ понять, какимъ образомъ пробрался туда маляръ, пока сторожъ не разъяснилъ мнѣ, что эту надпись сдѣлалъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сухой годъ, когда воды въ Кивачѣ было меньше, такъ что надъ пѣной выступали камни, скрытые теперь подъ водой. Перекинувъ дощечки съ камня на камень и пробрался бородатый мужикъ надъ кипящей бездной съ ведеркомъ краски въ рукѣ на указанное мѣсто и, балансируя тамъ на скользкомъ камнѣ, намазалъ вензель за цѣлковый или два.

Было около 3 час. дня, когда мы тронулись въ путь.

Прощай, Кивачъ! Будемъ долго помнить твою величественную красоту! И мы шли, оборачиваясь, останавливаясь, пока чаща лѣса не скрыла отъ взоровъ рѣки, но еще долго провожалъ насъ привѣтливый шумъ водопада.

И. Березинъ.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ, НОЧЬ И УТРО НА КИВАЧѢ.

Кивачъ поразилъ меня даже послѣ Иматры и другихъ менѣе прославленныхъ водопадовъ Финляндіи, и я долго стоялъ пораженный его величіемъ, когда увидалъ впервые бѣлую гору его пѣны, падающей съ ревомъ среди скалъ, преграждающихъ быстрое теченіе Суны. Масса воды, несомая Иматрою, гораздо болѣе той, которую низвергаетъ Кивачъ, но тамъ вода, спертая скалами, катится лишь наклонно по скалистому ложу; здѣсь же масса воды, падающая съ высоты болѣе чѣмъ четырехъ саженъ, образуетъ настоящій водопадъ, съ которымъ нельзя и сравнивать Иматру.... Лично для меня Кивачъ уже по тому одному представляетъ преимущество передъ Иматрою, что около него не высится ни ресторановъ, ни отелей, ни искусственныхъ садовъ. Берега водопада еще не обезображены рукою человѣка и остаются въ прежнемъ дѣвственномъ видѣ. Небольшой павильонъ, устроенный на скалѣ надъ самымъ водопадомъ, и деревянный мостъ, обезпечивающій сообщеніе между обоими берегами Суны, пока еще не портятъ общаго впечатлѣнія...

На Кивачѣ я провелъ весь остатокъ дня и всю ночь, не смотря на то, что не сдѣлалъ запаса пищи и проголодалъ почти цѣлыя сутки. Свѣтлая майская ночь дала новый колоритъ великолѣпному водопаду, и онъ казался еще болѣе величественнымъ, чѣмъ днемъ. Передъ моими глазами неслась огромная масса воды, поднималась нѣсколько надъ обрывомъ, потомъ падала четырьмя большими каскадами на скалистое дно, пробивая его каменное основаніе. Страшный ревъ водопада заглушалъ всѣ остальные звуки ночи, и я не могъ разслышать человѣческихъ голосовъ, повидимому, окликавшихъ меня съ противоположнаго берега рѣки. Особенно же великолѣпнымъ показался мнѣ Кивачъ утромъ, когда золотые лучи солнца брызнули впервые по бѣлой пѣнистой поверхности водопада: какъ говорится у Державина, въ самомъ дѣлѣ онъ разгорѣлся алмазами и другими самоцвѣтами, а надъ нимъ въ видѣ блестящаго ореола сталъ пронизанный радужнымъ сіяніемъ столбъ испареній и мелкой водяной пыли...

Д—ръ А. В. Елистовъ.

КИВАЧЪ ВЪ ІЮНѢ.

Къ часу дня пополудни (15 іюня), въ самый жаръ, коляска Великаго Князя Владиміра Александровича, а вслѣдъ за нею и всѣ остальныя, остановилось въ лѣсу, въ глубокомъ облакѣ пыли, на краю спуска съ высокой горы. Подлѣ насъ, гдѣ-то изъ-за деревьевъ, ревѣлъ Кивачъ. Это было хорошо, что мы спустились къ Кивачу не въ экипажахъ, а пѣшкомъ, потому что иначе мы были бы лишены удовольствія видѣть, какъ мало-по-малу влѣво отъ насъ, изъ-за густой листвы и стволовъ деревьевъ, сквозь прозрачныя полутенныя тѣни, залегавшія въ лѣсу, мѣстами пронизанныя яркими снопами лучей солнца, проступали одинъ за другими, сначала бѣлыми клочьями, а потомъ колоссальными бѣлыми массами, вихрившіяся стремнины Кивача.

Еще нѣсколько шаговъ, и лѣсъ отступилъ совсѣмъ, и свирѣпый «падунъ» во всей дикой красѣ своей явился предъ нами, влѣво отъ моста, перекинутаго черезъ Суну. Моста этого еще недавно не было, и не было поэтому лучшаго вида на Кивачъ, съ разстоянія какихъ-нибудь ста саженъ, прямо лицомъ къ лицу съ водопадомъ, во всей совокупности богатаго пейзажа скалъ и лѣсовъ, обрамляющихъ его, съ большимъ павильономъ, поставленнымъ справа, и небольшою бесѣдкой съ лѣвой стороны. Подъ ногами нашими уносились подъ мостъ истерзанныя пѣнившіяся струи воды, только что побывавшей въ водоворотѣ: множество столбиковъ бѣлой пѣны, которые по утрамъ и въ свѣжія ночи бываютъ очень характерны и высоки, точно плавающія башенки, двигались предъ нашими глазами съ замѣчательною быстротой, вальсируя по струямъ и группируясь самымъ фантастическимъ образомъ.

А влѣво, въ блескѣ полуденнаго солнца, высился самъ падунъ, неумолкаемый, вѣчный, чудесный, точно бѣлый царь этой глухой, далекой мѣстности, изрекающій какіе-то невѣдомые, все покрывающіе своими звуками законы.

Чтобы подойти къ падуну вплотную, надо перейти Суну по мосту и взойти по деревяннымъ сходнямъ, влѣво отъ моста, къ павильону, построенному въ 1858 году къ пріѣзду Императора Александра II. Павильонъ возвышается почти надъ самымъ водопадомъ, чуть-чуть пониже главной стремнины его.

Вблизи Кивачъ страшнѣе, величественнѣе своею семисаженною высотой, своими сердитыми бѣлыми кудрями, но вы какъ то не овладѣваете имъ, вы его не окидываете взглядомъ въ той несокрушимой рамкѣ, которая ему назначена и которая такъ безподобно хороша при взглядѣ на него отъ моста. Желтоватая вода Суны, точно ничего не вѣдая, плавно, хотя и быстро подкатывается сверху къ водопаду; у самаго края его вы видите, какъ во всю ширину рѣки ее точно вздуваетъ; слегка запузыриваясь, мощно изгибаясь, наливаясь широкою, круглою грудью, струи рѣки сразу попадаютъ въ стремнину, въ острый уголъ, образуемый двумя главными утесами. Что происходитъ тамъ между этихъ двухъ утесовъ, этого не описать. Всѣхъ глаголовъ русскаго языка, изображающихъ стукъ и дѣйствіе, не хватитъ для этого описанія. Между молотами и наковальнями всѣхъ силъ и величинъ дробится вода въ падунѣ. Лодка съ куклами, спущенная въ него, громадный плотъ съ зажженными на немъ грудами хвои, десятки балокъ—все это уходитъ въ него, поглащается. Говорятъ, что былъ когда то такой смертный, который, попавъ въ водопадъ, увидѣлъ, пройдя его, свѣтъ Божій вторично. Трудно повѣрить *). Должно быть въ самомъ центрѣ водопада русло рѣки изрыто чрезвычайно глубоко, потому что огромныя пятисаженныя балки, попавъ въ него, пробывъ болѣе или менѣе долго подъ водой, выскакиваютъ изъ какихъ то невѣдомыхъ глубинъ на $^3/_4$ своей длины, точно небольшіе карандашики. Отвести Суну человѣкъ можетъ, но узнать, что дѣлается въ холодномъ кипеньи падуна—никогда!

.... Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ подлѣ Кивача находили много орудій каменнаго вѣка; топорики, молотки, такъ называемыя «громовыя стрѣлы» изъ змѣевика, абсидіана и гранита; въ настоящее время, говорятъ, ихъ больше не находятъ. Каменный вѣкъ, какъ полагаютъ, окончился за 3000 лѣтъ до насъ; что же это за люди жили въ тѣ далекіе годы? Богатѣйшій въ мірѣ музей древностей каменнаго вѣка въ Стокгольмѣ изобилуетъ предметами того времени: но тамъ искали ихъ и находили; у насъ часто находятъ не искавъ; ужъ нѣтъ ли здѣсь подлѣ Кивача, чего-либо сходнаго съ найденными въ Даніи «Kjokkenmöddinge», со слѣдами прежней жизни, прежнихъ вирпествъ?

Кивачъ, какъ извѣстно, послужилъ Державину, бывшему Олонецкимъ губернаторомъ, темою для знаменитаго стихотворенія его «Водопадъ». Особенной «алмазности» въ желтыхъ водахъ Суны нѣтъ, но это не мѣшаетъ красотѣ стихотворенія.

К. Случевскій.

---

*) См. ниже „Преданія о Кивачѣ“.

КИВАЧЪ ВЪ ІЮЛЬСКОЕ УТРО.

Случилось довольно странно, что мы, безъ всякаго предначѣренія поѣхали на Кивачъ ровно черезъ 75 лѣтъ послѣ Державина, того же числа и мѣсяца—21 іюля 1863 года. Было уже около 10 час. вечера, когда мы вышли на берегъ—у Кивача. Темнота и туманъ не позволяли теперь же ознакомиться съ водопадомъ.

Въ 7 часовъ утра туманъ разсѣялся и Кивачъ предсталъ во всемъ своемъ великолѣпіи.

Алмазная гора сыпалась предъ нами *четырьмя скалами* или, говоря прозой, четырьмя *уступами* съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Озерецковскій, видѣвшій водопадъ въ одинъ годъ съ Державинымъ (въ 1785 г.), насчитываетъ только три уступа; въ самомъ дѣлѣ, верхній уступъ такъ малъ, что можно усомниться, считать ли его особо или нѣтъ. Широкая полоса воды у подошвы большого утеса падаетъ бѣлою клубящеюся массою пѣны съ далеко летящими брызгами: на серединѣ высоты, при сіяніи солнца, образуется радуга, ярко рисующаяся на зелени прибрежнаго лѣса. Возлѣ главнаго полотна вода падаетъ по разсѣлинамъ скалъ нѣсколькими узкими струями. Не смотря на позднюю пору лѣта воды было довольно, такъ что Кивачъ представлялся лучше, нежели бываетъ обыкновенно въ это время; такъ, на рисункѣ его, сдѣланномъ академикомъ Г. П. Гельмерсеномъ въ 1858 г., обнажены у вершины водопада нѣкоторые камни, бывшіе при насъ подъ водою. По обилію воды и по разнообразной живописной формѣ паденія съ довольно значительной высоты, Кивачъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ водопадовъ сѣверной Европы, безопасно выдерживающій сравненіе съ Иматрой и съ Троллгеттой *). Онъ достоинъ сдѣлаться цѣлью болѣе частыхъ прогулокъ по Ладожскому и Онежскому озерамъ.

На другомъ берегу устроена открытая бесѣдка.... Мы переправились туда на лодкѣ и, гуляя по берегу, смотрѣли, какъ гребцы бросали въ водопадъ огромные сучья и стволы, которые мгновенно исчезали въ кипящей пѣнѣ и потомъ выплывали изломан-

---

*) Trollhätta—извѣстный водопадъ на р. Готѣ, въ Швеціи. Названіе его значитъ *шапка великана* и основывается на мѣстномъ преданіи, какія существуютъ при всѣхъ большихъ водопадахъ. Описаніе Троллгетты см. въ статьѣ акад. Я. Грота „Отъ Веттера до Венера“ въ „Отеч. Зап.“ 1850, т. 68, отд. VIII.

ные Вверху водопада остановилось нѣсколько бревенъ, задержанныхъ заломью, устроенною для того, чтобы направлять ихъ въ деревянное русло, сдѣланное въ 1838 г. для обхода водопада. При сплавѣ по самому Кивачу только меньшая половина бревенъ сохраняетъ цѣлость послѣ скачка въ водопадъ.

Академикъ Я. Гротъ.

КИВАЧЪ ВЪ ЛѢТНІЙ ПАСМУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Черезъ 2½ часа пути отъ Кончезера мы уже подъѣзжали къ самому водопаду. Показался деревянный мостъ, перекинутый черезъ рѣку ниже водопада. Къ мосту дорога спускалась съ скалистой крутизны. Ямщикъ остановилъ лошадей.

— Господа всегда тутъ слѣзаютъ.

Мы слѣзли и направились къ мосту пѣшкомъ.

Водопадъ ревѣлъ, но видно его еще не было.

Шумъ водопада все усиливался и усиливался, когда мы, спускаясь съ крутого берега, приближались къ деревянному мосту, перекинутому черезъ р. Суну. Изъ-за густого лѣса водопада все еще не было видно. Воздухъ дѣлался все влажнѣе и влажнѣе. Сырость тотчасъ дала себя знать на платьѣ и оно начало сырѣть. Ближе къ мосту—и въ воздухѣ уже носилась водяная пыль, распространяемая брызгами водопада... Но вотъ мы ступили на мостъ, весь влажный отъ водяной пыли, и передъ нами открылась величественная картина водопада Кивачъ. Рѣка Суна летѣла съ высоты 7 саженъ, образуя изъ себя водяную гору, клокочущую, пѣнящуюся, выбрасывающую столбы брызгъ, которыя, ударяясь объ отвѣсныя скалы, высящіяся по одну сторону, дробились въ свою очередь въ водяную пыль. Невольно нѣмѣешь при видѣ этой величественной картины и останавливаешься, какъ одервенѣлый.

Съ моста, находящагося въ саженяхъ 50—60 отъ водопада - лучшій видъ на водопадъ, хотя деталей паденія рѣки здѣсь не видать. Тутъ наблюдается водопадъ только въ общемъ и en face. Детали же паденія Суны надо видѣть съ деревяннаго трапа, идущаго отъ моста къ бесѣдкѣ, расположенной на громадной скалѣ надъ водопадомъ, и изъ самой бесѣдки. На этомъ трапѣ водяная пыль становится все гуще и гуще по мѣрѣ приближенія къ бесѣдкѣ. По лѣстницѣ, ведущей къ бесѣдкѣ, становится уже мокро, и ступени ея, чѣмъ выше, тѣмъ дѣлаются болѣе скользкими. От-

„Но́русъ“, на р. Сегежѣ (Повѣн. уѣзда).

(Съ фотогр. П. П. Ползунова).

считавъ ступеней 70 –80, мы уже въ бесѣдкѣ, съ колоннъ и перилъ которой буквально струится вода. осаждаясь отъ водяной пыли, выбрасываемой водопадомъ на высоту 14—15 саж. Здѣсь происходитъ невольное умываньe. Весь человѣкъ покрывается водяною пылью, пыль эта, соединяясь на гѣлѣ. превращается въ капли и онѣ текутъ потоками по лицу. Я попробовалъ закурить папиросу въ бесѣдкѣ. Спичка вспыхнула, папироса закурилась, но послѣ двухъ—трехъ затяжекъ намокла и потухла. Изъ бесѣдки этой наблюдается темя водопада, если можно такъ выразиться. Отсюда видно, что рѣка прежде чѣмъ сброситься съ высокой скалы, проходитъ два порога, разстояніемъ одинъ отъ другого на сажень, два порога, представляющихъ изъ себя ступени не болѣе аршина вышины. Рѣка эта, шириною въ 25 саж., падаетъ впрочемъ не вся съ отвѣсной скалы, а только одна половина ея, другая же половина дробится между скалъ на нѣсколько частей и падаетъ отдѣльными водопадами. проходя нѣсколько болѣе или менѣе высокихъ ступеней. Одинъ изъ этихъ маленькихъ водопадовъ превращенъ въ водопроводъ и спущенъ въ деревянный жолобъ съ сажень ширины. Когда-то по этому жолобу спускали сплавлявшіяся по рѣкѣ Суѣ бревна, направляя ихъ въ Онежское озеро, но нынѣ жолобъ обветшалъ, подгнилъ, непослушная вода подмыла и подняла доски и струится подъ жолобомъ.

Стоя въ бесѣдкѣ и наслаждаясь видомъ бушующаго, ревущаго водопада, я повторялъ мысленно стихи Державина:

«Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами...»

Я наблюдалъ водопадъ въ 6 часу дня, при пасмурномъ небѣ, но, говорятъ, онъ представляетъ собой еще болѣе грандіозное зрѣлище при восходѣ солнца. тогда яркіе лучи его, пронизывая водяную пыль, производятъ радугу, играющую всѣми цвѣтами.

Замѣчательна также пѣна, которою покрыта рѣка у водопада. Пѣна эта, образуемая водопадомъ, лежитъ сплошною массою около береговъ. струится по теченію рѣки и долго, долго не разсѣевается. Видъ пѣны, напоминающей снѣгъ, особенно красивъ отъ контраста его со свѣжею и густою зеленью обоихъ береговъ. Говорятъ, что эта пѣна встрѣчается въ рѣкѣ за нѣсколько верстъ отъ водопада.

Но какъ ни прекрасна картина водопада изъ бесѣдки, долго въ этой бесѣдкѣ по причинѣ чрезмѣрной мокроты оставаться было нельзя, не рискуя простудиться, и мы отправились въ такъ называемый павильонъ, находящійся на другой сторонѣ водопада....

Изъ павильона открывается третій видъ на Кивачъ, но ужъ гораздо худшій, чѣмъ два первые. Здѣсь видны въ деталяхъ тѣ малыя скалы, по которымъ низвергается вода отдѣльныхъ малыхъ водопадовъ. Помѣстившись на террасѣ павильона за чаепитіемъ, я наблюдалъ эти скалы. Нѣкоторыя изъ нихъ, непокрытыя водою, были испещрены надписями, сдѣланными мѣломъ или бѣлою краскою. Крупными буквами было выведено «Элизъ и Вольдемаръ. Петя и Юта, Люба и Саша» и т. п. Перила террасы были также покрыты надписями. Здѣсь уже были вырѣзаны перочиннымъ ножемъ и записаны карандашемъ цѣлыя воспоминанія о проведенномъ на Кивачѣ времени какими-то Nicolas, Anette'ами и т. д., съ обозначеніемъ года и числа. Были здѣсь, какъ водится, и нецензурныя слова и выраженія....

Погода неблагопріятствовала намъ: было пасмурно, холодно, горизонтъ заволакивало еще бо́льшими свинцово-сѣрыми тучами. Сырость проникала до костей.

Пробывъ на Кивачѣ три часа, мы поѣхали обратно. Проѣзжая по мосту, мы еще разъ полюбовались величественнымъ зрѣлищемъ водопада и выѣхали въ просѣку дремучаго лѣса.

Звенѣлъ колокольчикъ подъ дугой нашего коренника, тише и тише становился шумъ Кивача и вскорѣ совсѣмъ пересталъ быть слышнымъ.

Уѣзжая съ Кивача я сравнивалъ его съ другими видѣнными мною водопадами. Я видѣлъ Рейнскій водопадъ, я видѣлъ Наровскій водопадъ, но, по моему, Кивачъ. *гдѣ высота паденія воды значительно болье,* производитъ неизмѣримо болѣе сильное впечатлѣніе на зрителя. Съ такъ называемымъ водопадомъ Иматрой, который я тоже видѣлъ, Кивачъ и сравнить нельзя, такъ какъ Иматра прежде всего не водопадъ, а только водоскатъ, гигантскіе пороги, которые, не смотря на свою живописность, всетаки уступаютъ Кивачу и въ самой живописности и далеко не производятъ того потрясающаго впечатлѣнія, которое производитъ Кивачъ своею дикостью и своимъ величіемъ, вселяя въ взирающаго на него даже какое то благоговѣйное чувство.

Н. А. Лейкинъ.

ДОЖДЛИВАЯ НОЧЬ И ЯСНОЕ ЛѢТНЕЕ УТРО НА КИВАЧѢ.

Предъ вами Кивачъ!

Сначала, въ недоумѣніи, вы какъ будто не знаете, куда себя дѣвать. Прямо на васъ несется съ высоты шести или семи саженъ водяная гора. Гора эта съ четырьмя уступами, изъ которыхъ послѣдній, самый большой и совершенно отвѣсный падаетъ возлѣ васъ въ бездну. Огромнѣйшія деревья окружающаго дремучаго лѣса, сброшенныя сверху водопада, стѣмя низвергаются въ эту бездну и совершенно скрываются въ ней; далѣе отъ нея они снова поднимаются на поверхность воды. Бездна эта ревет, клокочетъ, пѣнится и брызжетъ вверхъ, такъ что брызги не только выше черныхъ скалъ, стоящихъ по бокамъ водопада, но даже выше растущаго на нихъ лѣса, а скалы эти возвышаются саженъ на восемъ надъ поверхностью воды.

Растрескавшіяся мѣстами, онѣ чрезвычайно красивы; правая имѣетъ чрезвычайное сходство съ головою слона. Съ нижней площадки вы поднимаетесь вверхъ по чрезвычайно удобной лѣстницѣ идущей прямо по обрыву скалы, и входите въ прекрасный двухъ-этажный лѣтній домъ. Въ немъ нѣсколько комнатъ, оклеенныхъ красивыми обоями, даже кухня. Изъ этого павильона выходите вы на балконъ. Передъ глазами вашими верхняя часть водопада, а нижняя подъ ногами. Это второй видъ водопада. Рѣка съ самаго верхняго уступа несется передъ вами и у вашихъ ногъ разсыпается въ бездну, орошая окрестныя скалы милліонами брызгъ.

Къ крайнему сожалѣнію, погода совершенно испортилась, когда мы прибыли на Кивачъ. Небо покрылось тучами, пошелъ дождь. Наступила темная ночь. Видъ Кивача измѣнился. Между черными скалами, посреди чернаго сосноваго лѣса, подъ тьмою ночи, мчалась бѣлая снѣговая масса и разсыпалась внизу: это была уже не вода, а снѣговая рѣка, вся бѣлая отъ пѣны. Несмотря на дождь, я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и не безъ ужаса смотрѣлъ на эту грозную природу. Ночная тьма висѣла надъ лѣсомъ, и грохотъ воды гремѣлъ въ тиши дикой природы.

Долго я любовался дикою ночью среди дремучаго лѣса. Наконецъ, мы легли спать съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ отправиться назадъ; но я не могъ сомкнуть глазъ по совершенной непривычности положенія. Отъ паденія воды скала и стоящее на ней зданіе сотрясались. Неимѣрный шумъ, который отъ движенія воздуха или отъ большаго или меньшаго напора воды нѣсколько измѣ-

нялся, наконецъ, этотъ подземный гулъ, этотъ ужасающій голосъ бездны—не давали покоя. Проворочавшись почти всю ночь, я очень обрадовался, когда на вершинахъ деревьевъ замѣтилъ первые лучи солнца. Я немедленно вышелъ на балконъ.

День былъ чудный, свѣжій послѣ вчерашняго дождя. Я слѣдилъ, какъ солнце, вставая, кралось съ вершинъ деревьевъ все ниже и ниже, наконецъ, освѣтило верхнюю часть водопада и заиграло радугами въ брызгахъ, которыя извергала бездна. Радуги эти переходили съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ солнечнаго движенія. Напившись чаю, мы переѣхали на ту сторону, то-есть на скалу, которая похожа на слоновую голову. На ея вершинѣ построенъ бельведеръ, изъ котораго третій видъ на водопадъ. Когда я взглянулъ внизъ, сердце у меня замерло. Вся рѣка была ниже насъ, а клокочущая бездна подъ ногами ревѣтъ, крутится и высылаетъ прямо въ лицо столбъ водяной пыли. Съ ужасомъ я смотрѣлъ на эти мчащіяся массы воды, а между тѣмъ мои гребцы карабкались по отвѣсному берегу прямо надъ первымъ уступомъ водопада и сбрасывали туда огромныя деревья.

Н. Д. Дмитріевъ.

Ближайшій видъ на Кивачъ открывается изъ павильона. Кромѣ главной массы воды, падающей въ Кивачѣ четырьмя уступами съ высоты 6 саженъ,- -по расщелинамъ скалъ, съ лѣвой стороны, стремятся отдѣльные каскады, разнообразящіе общую невыразимую, грозно-величественную картину.

Сивія сверху волны съ оглушающимъ невыразимымъ шумомъ низвергаются съ громадной скалы и исчезаютъ въ бѣлыхъ брызгахъ, которыми покрыта вся эта «алмазная гора.» блестящая серебромъ и жемчугомъ передъ глазами зрителя: въ ушахъ раздается страшный невыразимый ревъ. Чувствуется, что дрожитъ самая скала, на которой построенъ павильонъ Надъ водопадомъ высоко поднимаются столбы водяной пыли, блистающіе при восходѣ солнца радужными цвѣтами, придавая живописный, яркій колоритъ этой дикой, величественной картинѣ. Общій видъ на Кивачъ производитъ на путника сильное чарующее впечатлѣніе.

По словамъ очевидцевъ, Кивачъ заслужилъ въ 1858 году особое вниманіе Государя Александра II. Первыя слова Его Величества, при взглядѣ на водопадъ, были: «какъ жаль, что здѣсь нѣтъ Матушки и Жены!» Вмѣстѣ съ Государемъ былъ и принцъ Виртембергскій: въ 1863 году посѣтилъ Кивачъ Цесаревичъ Николай

Александровичъ: въ 1870 г.- В. Кн. Алексѣй Александровичъ; въ 1876 г. В. Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи. Константинъ и Дмитрій Константиновичи: въ 1881 г.—Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругою В. Кн. Маріею Павловною: въ 1876 г. былъ здѣсь статсъ-секретарь П. А. Валуевъ, сенаторъ Половцевъ, генералъ-лейтенантъ баварской службы фонъ Штруицъ: въ 1880 г.—князь Ливенъ, секретарь испанскаго посольства баронъ де-ла-Баръ, военный агентъ австро-венгерскаго посольства капитанъ Клепшъ, въ 1891 г. министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ и многіе другіе.

А. Рудницкій.

КИВАЧЪ ЗИМОЮ, ВЪ ФЕВРАЛѢ.

По описаніямъ и снимкамъ мы можемъ составить себѣ понятіе о зимнихъ видахъ западно-европейскихъ и внѣ-европейскихъ величайшихъ водопадовъ. *) Что же представляетъ зимою нашъ Кивачъ?—На этотъ интересный вопросъ во всей извѣстной намъ литературѣ объ Олонецкихъ водопадахъ отвѣчаютъ только слѣдующія строки поэта Державина и академика Озерецковскаго:

«Сковать ли воду льды дерзаютъ,
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ (изъ «Водопада»).

«Кивачъ никогда не замерзаетъ и водныя капли падаютъ дѣйствительно какъ стеклянная пыль, въ которой отраженіе солнечныхъ лучей производитъ удивительную игру свѣта» (Объясненіе Державина).

«Обильный паръ, поднявшись въ верхъ (изъ водопада) ложится на дерева, близъ берега растущія, и мочитъ ихъ вѣтви до самыхъ вершинъ; отъ чего въ зимнее время стоятъ онѣ обвѣшаны большими ледяными сосульками» (Озерецковскій).

Картина получается красивая и хочется видѣть ее самому,

---

*) См., напр., книгу Е. Н. Водовозовой „Жизнь европейскихъ народовъ.“ Швейцарія, т. I, 283 стр.; Иллюстр. приложеніе къ „Нов. Времени„ за 22 ноября 1906 г. и др.

интересно провѣрить слова туристовъ XVIII в., тѣмъ болѣе, что оба они писали, не побывавъ на Кивачѣ зимою самолично, а описаній очевидцевъ или снимковъ водопада зимою въ печати вовсе не существуетъ. Причина послѣдняго обстоятельства та, что Кивачъ, мало посѣщаемый и лѣтомъ (250 туристовъ самое большее, т. е. столько, сколько. на Имандрѣ не рѣдко перебываетъ въ день!), совсѣмъ забывается туристами зимою. Говоримъ согласно утвержденію сторожа павильона на Кивачѣ и сообразуясь съ «книгой для записи посѣтителей водопада,» въ которой зимнихъ записей только двѣ съ 1892 года.

Съ намѣреніемъ составить себѣ понятіе о зимнемъ видѣ Кивача и сфотографировать его, мы сдѣлали изъ Петрозаводска поѣздку къ водопаду въ февралѣ настоящаго 1907 г. и были восхищены оригинальной красотой «падуна» и окружающей его мѣстности, представшей предъ нами, однако, совсѣмъ въ иномъ видѣ. чѣмъ въ описаніяхъ Державина и Озерецковскаго. Удовольствіе любоваться Кивачемъ заставило насъ забыть нѣкоторыя случайныя невзгоды пути, о которомъ теперь умѣстно будетъ сказать два—три слова.

Была тихая звѣздная ночь на 21 февраля, когда мы оставили городъ и покатили по Петрозаводской губѣ и далѣе «зимникомъ» по направленію къ с. Шуѣ. Но до пріѣзда на станцію, въ д. Косалму. на 30 верстахъ мы трижды сбивались съ пути на «розстаняхъ» и около мызы Бутенина и д. Царевичи не заночевали въ болотѣ только благодаря находчивости моего спутника: извозчикъ «зимника» на «падунъ» не зналъ. Дорога оказалась вообще неудобною, избитою, а мѣстами, по крутому берегу Укшезера, даже не безопасною. Передъ мызой Бутенина «зимникъ» круто повернулъ направо подъ гору къ Кончезеру, по которому мы скоро достигли ночлега. Утромъ мы имѣли возможность наблюдать и Укшезеро, и стоящее выше него Кончезеро; направо и налѣво отъ дороги уходили вдаль снѣговыя равнины озеръ. Протокъ, падающій изъ Кончезера въ Укшезеро, не замерзъ и тихо шумѣлъ по камнямъ неширокою рѣчкой. Но какъ. должно быть, вздулся и бурлилъ онъ въ одинъ изъ весеннихъ дней (25 апрѣля) 1892 г., когда Кончезеро, переполненное водами прорвавшаго плотину Пертнаволоцкаго озера, переливалось въ Укшезеро!

*) „Рус. Мысль“ 1887 г., февраль „Въ странѣ, гдѣ тысячи озеръ“. М. Л. Несковскаго.

Тогда говорятъ, чуть не смыло въ Укшезеро и д. Косалмы. Деревушка состоитъ всего изъ 5—6 крестьянскихъ избъ и «господскаго» дачнаго дома.

Изъ Косалмы версть пять «лѣтникомъ,» а потомъ, огибая горы и сокращая разстояніе, зимней дорогой опять по Кончезеру мы направились дальше. Виды «зимника» на этомъ волоку намъ показались мало чѣмъ уступающими видамъ лѣтняго тракта, хотя и въ другомъ родѣ. Въ лучахъ восходящаго солнца красиво рисовались ближайшіе берега Кончезера и особенно дальніе островки и мысы озера то голые, то лѣсистые, то населенные, съ характерными шатровыми часовеньками древне-русскаго типа и съ рощами при нихъ. Вскорѣ за первыми деревнями показалась невдалекѣ на высокомъ пригоркѣ бѣлая каменная церковь с. Кончезера, а внизу, на берегу озера, рѣзко выдѣлялось среди сѣрыхъ деревенскихъ построекъ красное каменное зданіе Кончезерскаго чугунно-плавильнаго завода. Заводъ, заканчивающій въ текущемъ году свое 200-лѣтіе, уже четыре года не работаетъ. Мимо красивой усадьбы управляющаго заводомъ мы поднялись на крутой берегъ и выѣхали на Пертнаволоцкое озеро, которое въ 1892 г., сорвавъ плотину, до того обсохло, что на глинистомъ грунтѣ озернаго дна были разбиты пахотные участки. Теперь Пертозеро по прежнему стоитъ на 4 сажени выше Кончезера, сдерживаемое новою плотиной стоимостью свыше 35000 рублей. Съ плотины открывается лучшая панорама и нижняго озера съ его 170 островами, и верхняго, совершенно открытаго, съ берегами болѣе высокими и еще болѣе красивыми, чѣмъ на Кончезерѣ. Особенно восхитительно громоздились горы, окутанныя синей дымкою, въ дали с.-з. угла озера, гдѣ-то около д. Викшицы. Мы пересѣкали озеро въ с.-в. направленіи, пробираясь къ лѣтнему тракту, на который и выѣхали около 8-й версты отъ Кончезера. Дальше, до самаго Кивача, дорога не уклонялась отъ «лѣтника:» снесная вначалѣ она версты за 3 до Викшицы сдѣлалась почти не проѣзжею вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ. Окружавшая насъ глушь почти нетронутаго смѣшаннаго лѣса, тѣснившагося къ дорогѣ, навѣвала меланхолическое настроеніе. Съ общей картиною мѣстности вполнѣ гармонировала послѣдняя предъ Кивачемъ, за пять верстъ отъ него, д. Викшица. Ея почти не было видно, она спряталась налѣво отъ насъ за крутымъ берегомъ Пертозера и на дорогу выглядывали только Викшицкая часовенька въ темной рощѣ да высокіе «зороди́ки»—

прясла для просушки овса. На заднемъ планѣ, за озеромъ, мрачно поднималась гора «Орелъ» въ 15 саж. высоты, наполовину лѣсистая, наполовину лысая, покрытая снѣжной пеленою. За викпицкими полями дорогу опять обступилъ глухой, преимущественно сосновый лѣсъ съ примѣсью осины, достигающей здѣсь размѣровъ строевого лѣса. Солнечные утренніе лучи пронизывали окружающую тайгу и тѣни лѣсныхъ великановъ рисовали причудливые фантастическіе узоры на снѣгу, изборожденномъ во всѣхъ направленіяхъ безчисленными заячьими тропами. Въ лѣсу была мертвая тишина, пока мы не достигли крутого спуска на мостъ черезъ Суну.

Здѣсь уже начиналось царство одинокаго, но неукротимаго богатыря угрюмой Корелы -Кивача. Подъ шумъ «падуна» мы съѣхали на мостъ и, оставивъ повозку, залюбовались открывшейся налѣво величественной картиной. Вспомнились невольно слова Н. В. Гоголя о нашемъ «Водопадѣ»—да, «природа здѣсь дѣйствительно, какъ бы высшая нами зримой природы»! Лѣвой стороны Кивача до камня съ надписью «Elise», т. е. болѣе, чѣмъ на половину, какъ бы не существовало. Скованная льдомъ, она сливалась съ берегомъ подъ толстымъ снѣговымъ покровомъ. Масса блестѣвшаго на солнцѣ снѣга громоздилась и на правомъ высокомъ берегу, но пространство отъ этого берега къ камню «Elise» на всемъ верхнемъ паденіи Кивача было свободно. Здѣсь тремя правильными, рѣзко очерченными большими уступами мчалась вода. Цвѣтъ ея казался синимъ, почти черпымъ отъ контраста съ бѣлизной окружающаго снѣга. Четвертая и послѣдняя «падь» Кивача представляла оригинальное и самое интересное зрѣлище. Непобѣдимый на верхнихъ террасахъ, «падунъ» точно изнемогъ подъ конецъ въ долгой зимней борьбѣ съ морозами, льдомъ и снѣгами и сдался имъ въ плѣнъ. Съ одного берега до другого его сковалъ здѣсь толстый ледяной и снѣжный покровъ, широкій съ краевъ и очень узкій въ серединѣ. Вверху образовалось что-то въ родѣ воронки, а нижняя часть снѣжнаго покрова приняла въ центрѣ форму трехъ неправильныхъ полукружій, расширявшихся къ краямъ. Темныя массы воды, устремляясь подъ ледъ, съ страшнымъ шумомъ вырывались внизу изъ полукружій сѣдыми потоками. Потоки бѣшено мчались внизъ, пѣнились, бурлили, образовывали водовороты, взвивались кверху волнами, яростно бросавшимися то другъ на друга, то на правый гранитный берегъ. Сила и быстрота стремленія воды, невысокой въ нынѣшнюю зиму, такова, что все пространство рѣки отъ «падуна» до моста, около 100 саженъ, остается зимою свободнымъ

отъ льда, который держится только около самыхъ береговъ «плеса» и кое-гдѣ на срединѣ рѣки, очевидно на камняхъ.

Чтобы ближе видѣть и снять водопадъ мы перешли на галлерею павильона, ближайшую къ паденію. Бурное рокотанье падуна еще болѣе усилилось, рѣзче обозначились формы сѣдыхъ, точно истерзанныхъ каскадовъ, ихъ размѣры, очертанія и водовороты. На гребняхъ пѣнистыхъ каскадовъ и въ водяной пыли, стоявшей едва замѣтною дымкою надъ послѣдней «падью», играли и переливались лучи полуденнаго солнца. Моментъ и пунктъ для съемки были наилучшіе. Кивачъ блестѣлъ предъ нами въ своемъ зимнемъ, полномъ прелести, одѣяніи, въ темной рамѣ окружающихъ лѣсовъ. Полоса воды на верхнемъ паденіи, сравнительно узкая и лежавшая въ глубокомъ руслѣ, не выступала рѣзко на общемъ фонѣ картины «падуна» и онъ вполнѣ оправдывалъ теперь свое названіе «klwas», что на нарѣчіи мѣстныхъ корелъ значитъ *«снѣговая гора»*. Въ студеныя зимы при высокой водѣ (наивысшій ея уровень наблюдался въ 1899 г.) Кивачъ еще болѣе бываетъ похожъ на «снѣжную гору»: тогда брызги, взлетая, замерзаютъ и образуютъ большое и высокое перекрытіе отъ камня «Elise» къ правому берегу: черезъ это перекрытіе, по словамъ одного очевидца, «какъ изъ печи» мчится вся громада воды падуна. Такъ было, напримѣръ, зимою 1901 г. и, вѣроятно, въ январскіе 30 градусные морозы нынѣшняго года. Но чуть начнетъ таять—рѣдкостная красота Кивача исчезаетъ: перекрытіе, подъ собственною тяжестью, срывается, увлекая за собою массы сосѣдняго берегового снѣга и обнажая скалы. Скалы были обнажены и въ нынѣшнюю февральскую оттепель.

Новая картина Кивача открылась предъ нами, когда мы взобрались на скалу высокаго праваго берега: мы наблюдали и снимали его сверху внизъ. Оказалось, что лѣвая сторона Кивача несовсѣмъ замерла: къ гремъ полукружіямъ центральнаго паденія здѣсь присоединялось четвертое и изъ него съ неменьшею силою летѣла вода, сталкиваясь съ средними каскадами. По внутреннимъ краямъ полукружія образовался прозрачный ледъ въ родѣ узорной каймы, черезъ которую какъ черезъ тонкое кружево, сквозили при блескѣ солнца низвергающіеся потоки. Съ бесѣдки открывался и самый широкій видъ на окрестности Кивача—на темную, отступающую къ юго-востоку, по Сунѣ, раму безмолвныхъ лѣсовъ, на ярко бѣлую пелену полей и рѣки за мостомъ, на дальнія постройки противоположнаго берега и ближайшій къ водопаду павильонъ, съ закрыты-

ми на зиму ставнями въ нѣкоторыхъ нижнихъ окнахъ. Было пустынно кругомъ и только Кивачъ нарушалъ общее безмолвіе своимъ неугомоннымъ шумомъ...

Передъ отъѣздомъ съ водопада мы поинтересовались просмотрѣть «книгу для записи именъ г.г. посѣтителей Кивача». заведенную въ 1892 г. по предложенію бывшаго здѣсь г. Скальковскаго *). Всего за 14 лѣтъ записалось въ книгѣ до 550 посѣтителей, наполовину не олончанъ, т. е. около 1/3 дѣйствительнаго количества всѣхъ туристовъ на Кивачъ, среднее число которыхъ не превышаетъ въ годъ 200 человѣкъ. Какъ же еще далеко до исполненія желанія поэта Державина въ «Водопадѣ»—

Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Онъ всѣмъ, столь дивенъ, столь полезенъ!

Больше всего перебывало на Кивачѣ учащихся изъ Петрозаводска и не олончанъ—изъ С.-П.-Б., Кронштадта, Новгорода, Варшавы, Москвы и др. городовъ; встрѣчаются въ книгѣ имена литераторовъ, профессоровъ. ученыхъ изслѣдователей края и т. д. Наряду съ русскими мелькаютъ записи на финскомъ и иностранныхъ языкахъ. Нѣкоторые изъ туристовъ дѣлятся въ «книгѣ» своими впечатлѣніями и думами, навѣянными водопадомъ, напр., «Пріѣхалъ, увидѣлъ и былъ очарованъ Кивачемъ». или «Кивачъ убѣдилъ меня въ ничтожествѣ человѣческаго ума и генія». «Зачѣмъ вся сила Кивача безслѣдно въ брызгахъ пропадаетъ». Есть и такія три слова: «Были. пили и уѣхали»...

Солнце уже склонилось къ закату, когда мы, уѣзжая. послѣдній разъ съ моста любовались Кивачемъ. Картина была далеко не та, что въ полдень. Отъ лѣса и прибрежныхъ скалъ протянулись длинныя тѣни и прикрыли падунъ. Онъ потемнѣлъ и въ его шумѣ слышался «величественный голосъ природы. какъ бы разсказывавшій намъ длинную и мрачную эпопею о томъ. какими обѣщеными усиліями Кивачъ проложилъ себѣ дорогу въ первозданной горной породѣ».

Кромѣ Кивача мы надѣялись побывать еще на Поръ-Порогѣ и Гирвасѣ, но по условіямъ дороги и измѣнившейся погоды должны были отказаться на этотъ разъ отъ своего намѣренія.

П. С. Шайжинъ.

---

*) Воспоминанія о Скальковскомъ. Истор. Вѣсти. 1906 г. Декабрь.

Зимній видъ Кивача съ павильона.

(Съ фотограф. И. П. Мегорскаго).

НАСТРОЕНІЕ, НАВѢВАЕМОЕ КАРТИНОЮ КИВАЧА.

Надъ Кивачемъ, на высп дальной,
Горитъ алмазная звѣзда:
Такъ и въ душѣ моей печальной
Звѣздится радость иногда.
Но скоро думъ докучныхъ тучи
Ложатся на минутный свѣтъ:
Вотъ подо мной песокъ зыбучій
И мнѣ въ земномъ опоры нѣтъ!
Подай съ небесъ, Отецъ, мнѣ руку,
Меня на скользкомъ укрѣпи;
Отвѣй, любви дыханьемъ, муку,
И посвѣти въ глухой степи!
Я безъ пріюта, безъ вожатыхъ,
Въ потьмахъ, надъ бездной я стою!
Тутъ глубь, тамъ грома перекаты—
Я твой! храни главу мою!

Ѳ. Н. Глинка.

Картина стремительно падающей, брызжущей и грохочущей воды въ Кивачѣ, особенно при внезапномъ освѣщеніи ея лучами солнца, представляетъ собою какую то волшебную массу драгоцѣнныхъ камней: алмазовъ, изумрудовъ, сапфировъ, топазовъ и другихъ, которые сверкаютъ не только по самому водному пѣнистому ложу, но и надъ нимъ въ окружающемъ воздушномъ пространствѣ. Въ этой очаровательной картинѣ, не поддающейся, можно сказать, кисти даже геніальнаго живописца, можно видѣть воочію сочетаніе самыхъ невыразимыхъ красотъ Божіей природы, дѣйствующихъ обаятельно на душу и вызывающихъ въ ней невольно чувства умиленія, восторга и благоговѣнія къ Виновнику различныхъ красотъ міроздавія.

Д. П. Ходкинъ.

Тотъ, кого обдавало брызгами Кивача, кто усматривалъ въ разбивающейся водѣ безконечно разнообразныя переливы цвѣтовъ отъ алмаза до серебра и жемчуга, кто замѣчалъ, что эта бушующая масса воды вскорѣ послѣ водопада снова становилась спокойною, съ обычнымъ теченіемъ въ ровномъ руслѣ—тотъ, конечно, долженъ вынести изъ всего этого глубокое впечатлѣніе, тотъ почувствуетъ, можетъ быть, силу красоты въ природѣ, найдетъ въ ней матеріалъ для высокаго поэтическаго вдохновенія.

Ив. Поляковъ.

ПРЕДАНІЯ О КИВАЧѢ.

Какъ всѣ водопады, Кивачъ имѣетъ свои преданія, изъ которыхъ можно привести слѣдующія.

Въ XVIII столѣтіи глухая Олонецкая сторона была убѣжищемъ дезертировъ и разбойниковъ, которые бродили цѣлыми шайками. Однажды нѣсколько человѣкъ, промышлявшихъ грабежомъ, встрѣтивъ дорогой крестьянина, заставили его перевезти ихъ на другую сторону р. Суны, выше Кивача. Быстротою рѣки плоть отнесло довольно близко къ водопаду и, лишь только причалили къ берегу, ловкій перевозчикъ выскочилъ съ шестомъ въ рукѣ съ плота, который съ силою оттолкнулъ отъ берега въ быстрину. Разбойники, съ неистовыми криками и угрозами, были унесены въ бездну и погибли безслѣдно.

Около 1832 г., во время гонки лѣсовъ, крестьянинъ упалъ въ рѣку и былъ увлеченъ потокомъ къ самому паденію, но успѣлъ вскарабкаться на одну изъ «сопокъ» или скалъ на вершинѣ Кивача, въ значительномъ разстояніи отъ берега. Здѣсь просидѣлъ онъ въ холодный осенній день нѣсколько часовъ, ежеминутно ожидая погибели въ клокочущей передъ нимъ пропасти, пока не спасли его товарищи, пустивъ съ берега запань, которою загораживалась рѣка при спускѣ бревенъ, проходившихъ по деревянному руслу.

Бывалъ случай, что лодка съ двумя крестьянами была увлечена въ самый падунъ: но какимъ то чудомъ люди спаслись, отдѣлавшись небольшими ушибами о скалы. и были выброшены на берегъ внизу подъ водопадомъ.

А. Ивановъ.

Подобный же случай повторился не болѣе 15 лѣтъ тому назадъ. Для расчистки образовавшагося на Кивачѣ «залома» устроили «люльку» и прикрѣпили ее къ канату, натянутому надъ самой бездной водопада. Въ «люльку» послали двухъ рабочихъ, исключительныхъ смѣльчаковъ, получающихъ, кстати сказать, за рискъ жизнью *1 руб. 30 коп.* въ день, харчи и хозяйскую водку—«для храбрости». Отъ напряженной работы баграми «люлька» какъ то перевернулась и люди полетѣли внизъ. туда, откуда нѣтъ спасенія. Видѣвшіе это остальные рабочіе только крестились и шептали побѣлѣвшими губами слова молитвы.... Но несчастіе это случилось въ «большую» весеннюю воду, когда утесы водопада покрываются громадной массой несущагося внизъ потока. И, къ изумленію гонщиковъ, бездна возвратила жертвы хозяйской алчности, выкинувъ ихъ тѣла ниже, у моста. Одинъ люлечникъ былъ мертвъ. но не искалѣченъ; другого откачали, такъ какъ онъ только захлебнулся въ водопадѣ, но не былъ даже ушибленъ о подводные утесы. Можно себѣ представить, что пережилъ этотъ откачанный счастливецъ въ теченіе той безконечной для него секунды, когда онъ летѣлъ съ «люльки» въ пучину водопада!

Но такое чудо спасенія, если и повторится еще когда-нибудь, то развѣ только для исключительнаго счастливца и только въ весеннюю. высокую воду, нивеллирующую подводные ужасы водопада. Летомъ же скалы водопада неминуемо разобьютъ даже самаго лучшаго ловца въ безформенную массу искалѣченнаго трупа. Опыты съ деревянными куклами въ ростъ человѣка въ результатѣ давали только щепки! Свѣдѣнія эти сообщаю для тѣхъ ловцовъ спортсменовъ. изъ которыхъ. можетъ быть, кому-либо придетъ въ голову безумная мысль проплыть водопадъ вдоль его стремнины.

И. И. К.

КИВАЧЪ ВЪ ОЛОНЕЦКОМЪ ФОЛЬКЛОРѢ.

ПРИПЛАЧЬ ВДОВЫ ПО МУЖѢ, ПОГИБШЕМЪ ВЪ КИВАЧѢ ПРИ СПЛАВѢ ЛѢСА.

Сѣла то я, бѣдная, подумала, *)
Я раздумалась своимъ да умомъ—разумомъ:
Какъ на исходи то холодная, студеная зимушка,
Наступаетъ то гуллива да розливна, красна вёснушка,
Приходитъ то тепло, красное вотъ лѣтушко.
Какъ потаютъ вотъ пушистыи снѣжочики,
Рознесетъ то хрустальніи лёдочики,
Порозольюще озера, бережочики;
Какъ пойдутъ да добры людюшки, пойдутъ да порозъѣдуще
По всимъ то, по разныимъ сторонушкамъ,
По всякимъ то они да по наживушкамъ;
Какъ мой то законная семеюшка
Куды удалище ли отправище, али при дому останеще?
Подходилъ то мой законная семеюшка ко косивчату окошечку.
Онъ садилсэ на брусову бѣлу лавочку,
Онъ садилсэ призадумавши,
Приклонилъ то свою младую головушку,
Утопилъ (вм. потупилъ) да свои ясныи очи оцинькн.
Говорила я кручинная головушка:
—Ты чего сидишь теперь да призадумалсэ,
Чужихъ басенъ ты чего же пріослушалсэ,
У молодушекъ ли ты да разговорушекъ,
Ли у дѣвушекъ жуливыхъ жалкихъ писенокъ,
Ли у старушенекъ ли ты да повѣстушечекъ?
Отвичалъ въ отвѣтъ удалая голувушка:
—Ничего я не ослушалсэ, ужъ я только призадумалсэ.
Какъ тиби то нѣтъ зоботушки въ головушки;
А у меня много есь зоботушки къ головушки,
Какъ долитъ то вотъ великая зоботушка

*) Въ приплачи удержаны особенности мѣстнаго говора.

Заломъ бревенъ въ падунѣ р. Выга.

(Съ фотогр. П. П. Ползунова).

И крушитъ мою мла̀дую головушку,
Холодитъ мое ретивоѐ сердечушко.
Вотъ зима типерь концлецце и весна да приближдаецце.
Денежки типерь да придержалисе,
Хлѣбушки у насъ типерь пріѣлисе
И наживушки типерь да не привидицце. а роботы не при-
Я не знаю самъ типеречу, ни вѣдаю — [слышицце.
Мни куды идти типерь да на наживушку,
Мни въ которую отправицце сторонушку.
Ужъ я сдумалъ то своимъ да умомъ-разумомъ:
Типерь люди то на сплавъ да отправляюцце
Да на выгонку бревенну снаряжаюцце,
Либо мнѣ туда вотъ съ ни́ма да отправицце.
Тамъ роботушка вѣдь сру́чная,
Тамъ вѣдь плата есь хорошая.
Тамъ есь хлѣбушки готовыи,
Ли отправлюсь доброй молодець.
Говорила я кручинная головушка:
— Не ходи-ко ты на этую наживушку —
Хоть много то туда да отправляецце,
Да много и назадъ не возвращаюцце.
Тамъ нажива есь не славная, а робота тамъ задорная.
Тамъ вѣдь служба безпокойная;
Та роботушка тиби будетъ не сру́чная,
Къ той роботушки то вы да непривычныи,
Тамъ да некогда̀ вы не бывали,
Той роботки и въ глаза вы не видали,
Тамъ по утрышку ставать надо ранешенько
До красного до праведного солнышка,
А по вечеру ложицце спать поздѣшенько
Не на мяккую постелюшку, а на матушку сыру землю:
А постелюшка та травонька мура̀вая да мяккіи мошочики,
А сголовьице то—сини камешечики.
Надо цѣльней день по бережку похаживать.
По всимъ то по сторонушкамъ посматривать,
Скорёшенько поскакивать, поскорѣя то подобѣгивать;
Надо бѣгать по холодной ключевой воды,
Скакать надо прискакивать по лѣсамъ да по бревешечкамъ,
За порядкомъ то посматривать
Да бревешечки направливать по ключевой свѣжей водушки.

Ихъ отъ бѣрежковъ отпихивать, по рѣки ихъ въ ходъ налаживать.

Тамъ хоть рѣки не широки—есте длинны безмѣрны,
Тамъ мѣста есте опасны,
Переплавы есте узки, мѣста да каменисты;
Тамъ пороги есь свирепы,
Тамъ вода бѣжитъ сердитая.
Вода бѣжитъ, сыграцце, сердито колыбаецце,
Въ падуны она стекаецце;
Въ падунахъ мѣста топучіи,
Подходы туда трудны.
Бревна идутъ по водушки, задѣваюцце за камешки.
Бревно съ бревномъ стричаецце,
Тамъ заломы набиваюцце, ты заломы есте страшны.
Подходить надо со трудносью, избавлять да ихъ съ опасносью
Подбѣгать надо смилёшенько, избавлять надо скорешенько.
Не стоять да ни постаивать, другихъ да не поджидывать.
Не дорожить своей мла̀дой головушкой,
Своей жизнью да сесвѣтноей.
Поскорешенько канать надо подхватывать,
Ко деревцамъ на бѣрежкахъ привязывать,
Сквозь люлечку канать надо протягивать,
Поспѣшать надо во люлечку взаскакивать,
Крестить надо глаза да на святителей,
Избавлять надо бревешки поскорешенько со залома то великого.
Поддевать надо багра̀мы да умнешенько,
Тутъ осмѣлить надо мла̀дую головушку.
Въ тую пору, въ тое времячко много силы надо ловкости.
Много у̀дати прибавити —со залома бревна збавити,
Впредь по водушки отправити.
А какъ и то есте случаецце, што головки тамъ кончаюцце.
Какъ задрожать да ручки бѣлы,
Какъ не выхватить то силушки въ могутныихъ во плечушкахъ,
Какъ, можеть, скру́жить ихну младую головушку— Тутъ повѣрнецце то люлька на канатики.
Тогда падаютъ удалы головушки
Въ кипучую, въ сердитую во водушку.
Тогда жизнь да ихъ кончаецце и головушки рѣпаюцце.
Отвичалъ въ отвѣтъ удалая головушка:
—Везди то всегда люди вотъ бываютъ,

А безъ суда то смиртей не получаютъ.
Я на рѣчиньку пойду да не на дальнюю, я на самую на ближнюю,
Я на сплавку Кондопожскую. на рѣку пойду на Суньскую.
Я пойду туда близешенько. придетъ вѣсь да вамъ скорешенько.
Снарядила я удалую головушку, отправила законную семьюшку.
Пошелъ то онъ въ путистую дороженьку,
Онъ пошелъ то на добычу, на наживушку:
Ужъ мы съ имъ да розставалисе. ужъ мы съ имъ да простались...
Туды сошли наши удалы добры молодци,
Поступили то оны да на роботушку,
На спѣшную роботку не на свычную:
Стали оны молодчики роботати,
Денёчки вечѐрикомъ коротати.
Тамъ длинёшеньки денечики казалисе.
Имъ роботка тамъ не здравилась.
По рѣки Суны отправились, по быстрой оны наладились,
Какъ по бережкамъ стали оны похаживать. лѣса стали направливать.
Подходили ко мѣстамъ оны опаснымъ,
Ко крежамъ оны ко крутымъ, ко порогамъ ко быстрымъ.
Къ падунамъ семисажённыимъ. ко Гирвасъ подъ названіемъ.
Тутъ оны заломы избавляли, впредь лѣса оны по Суны отправляли,
Вдоль по рѣчки продолжалисе, къ Норъ-Порогу приближдалисе;
Тутъ вода да розыграласе,
Встрѣту бревна да стрѣталисе и заломы набивалисе.
Тутъ молодчики спѣшилисе, за багры оны хваталисе,
Тутъ оны да подловчилисе, за заломы принималисе,
Вдругъ лѣса да избавлялисе. внизъ по рѣченьки спускалисе.
Тутъ пошли оны по старому, погнали лѣса по прежному;
Шли по крутымъ по бережкамъ, шутили разны шуточки.
Спѣвали то оны да разны пѣсенки,
Шли по рѣченьки сміялисе, къ Кивачу да приближдалисе
Какъ Кивачъ—мѣсто опасное:
Тутъ рѣка бѣжитъ свирипая. а вода есте сердитая.
Тутъ есь мѣсто крежёвитое. тоё мѣсто каменливое
Какъ тутъ бревна повертàлисе. тутъ заломы набивалисе.
Заломы ты великіи, лѣса да тутъ безсчетныи. на сумму ту огромную.
Какъ молодчики въ тотъ часъ да ужасалисе.

Кругъ залома то оны стали побѣгивать,
Въ головахъ стали оны почесывать,
Стали оны багорики похватывать.
—Вы, робятушки, старайтесь-ко, вы за трости (вм. тросы) при-
Вы за люлечку хватайтесь-ко. |нимайтесь-ко.
Хватали то канатики скорешенько, брали то оны люлечку
Протягали сквозь люлечку канатики смоленыи, |живешенько,
Причаляли оны трости да ко бережкамъ,
Скакали то скорёхонько во люлечку,
Стали люлечку близёшенько позваживать,
Сами стали «дубинушку» покрыкивать,
Сами стали багорца то направливать, да за деревци захваты-
Хоть было то у ихъ ловкости, вать.
А не хватило только силушки.
Какъ подрѣзало у нихъ да ножки рѣзвыи,
Задрожали то у ихъ да ручки бѣлыи,
Закружилисе то младыи головушки,
Тутъ упали то багорышки со рученекъ,
Тутъ свернулась то у нихъ да эта люлечка,
Тутъ упали то удалыи головушки
Въ кипучую, въ холодаую во водушку,
Тутъ тонули то наши добрыи ты молодци,
Тутъ прияла имъ скора, неначаянна смирётушка.
Видно Богомъ та смирётка имъ да сужена
Да самы ихны головушки на судъ пришли.
Ихъ забило во глубокую, во холодную во водушку,
Въ глубину ихъ утащило непомѣрную;
Приломало имъ тутъ бѣлыи то рученьки,
Придавило ихны младыи головушки,
Протащило ихъ по быстроей по рѣченьки,
Ихъ бросало то на крутыи на бережки.
Тутъ нашли да ихъ товарыщи,
Поднимали ихъ на бѣлыи на рученьки,
Ужъ какъ што то на себи да пригодилосе—
Въ томъ въ земелюшку молодчики ложилисе:
Имъ—не гроба и ни савана, ни досокъ да постороннихъ.
Не наладили вѣкового то имъ да одіяньица.
Домовищечка не сдѣлали вѣкового,
Не пѣтьи Божьи церковного, да не звону колокольного,
Да не призвали попа—отця духовного.

Работа въ падунѣ при сплавѣ лѣса.

(Съ фотогр. П. П. Ползунова).

Какъ пришло намъ письмо-грамотка не радостно,
Извѣсьицё пришло да невеселое—
Нѣтъ во живности нашей то удалоей головушки,
Што пришла ему скорая, неначалина смиретушка—
Тутъ сужáхнулось ретивое сердечушко.
Какъ то стану жить я бѣднушка горюшица,
Какъ возрящивать рожёныихъ, сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ
Во вдовиноей, во побѣдноей, въ сероцькоей во жирушки?
Хоть жирушка была да мни-ка нужная,
Дакъ я жена да была мужняя;
А ужъ какъ нынѣчу теперечу сказать да тяжелёшенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько—
Нелюбимое вдовиное словечко я теперь да получила.
Я осталась вотъ побѣдная головушка
Я во скудноёй, во нужноёй во жирушки:
Не осталосе имѣньица, богачесьва,
Не осталосе у насъ да золотой казны;
Ужъ какъ быдто съ корабля да съ безызвѣстного
Мы осталисе побѣдны безпомѣсны,
Быдто въ полюшки матучи деревиночки
Мы побѣдныи остались серотиночки,
Отъ бережка отчалили—ко другому не пріѣхали.
Не повѣрю я побѣднушка не письму да я не грамотки, я ни вѣрному извѣсьицю,
Я сама туда отправлюсе, на мѣсто на погибшее,
Къ Кивачу да ко названному, къ падуну да ко утопному:
Стану я по рѣчиньки похаживать
Да у людюшекъ выспрашивать, у товарищей вывѣдывать:
–Вы скажите-ко пожалуста, говорите не маните-ко.
Ужель есть ищё во живности
Моя та законная семеюшка, да удалая головушка?
Охти мни, бѣдной горюшици, сама знаю сама вѣдаю—
Письмо-грамотка не ложная, а извѣсье не подложное;
Ужъ какъ вѣкъ того не водицце —со мертвыхъ живы не родицце.

Записано П. Шайжинымъ отъ крестьянки Петрозаводскаго уѣзда, Шуйской волости, д. Половины *Н. С. Богдановой.*

ПОРЪ-ПОРОГЪ (Póro — щелокъ + порогъ).

ПОРЪ-ПОРОГЪ ПРИ ВОСХОДѢ СОЛНЦА.

Въ Порѣ-Порогѣ *) три водопада падаютъ одинъ за другимъ на 40 или 30 саженяхъ съ ужасной вышины. Гулъ паденія далеко разносится по лѣсу, а вблизи превращается въ страшный ревъ. Сойдите на угесъ, который врѣзался въ рѣку у третьяго водопада и вы почувствуете себя въ самомъ центрѣ боя. Скала наполовину сокрушена волнами и потрясается въ основаніи отъ ихъ набѣга. Направо слышны удары водъ, которыя переносятся черезъ преграды двухъ первыхъ паденій; внизу кипитъ цѣлый хаосъ глухихъ звуковъ и неясныхъ очертаній. Синія сверху волны, какъ бы исчезаютъ въ пучинѣ черныхъ водъ и желтоватой пѣны, перепрыгиваютъ черезъ темно-красные камни; бросаются съ громомъ черезъ скалы и бѣшено низвергаются внизъ, разбрасывая вокругъ побѣдные столбы серебристой пыли, которые на лучахъ солнца сіяютъ всѣми цвѣтами радуги. Каменистыя громады обоихъ береговъ смотрятъ безучастно, какъ бы отказываясь отъ безполезной помощи побѣжденнымъ товарищамъ. На лѣвой сторонѣ сверкаетъ синяя пелена водной массы, которая отдыхаетъ между песчаныхъ береговъ, приготовляясь (черезъ 30 верстъ) къ послѣдней схваткѣ съ каменными преградами на Кивачѣ.

N.N.

*) Къ Порѣ-Порогу и выше по р. Сунѣ на 2—3 вер.—къ Гирвасу дорога отъ с. Кончезера идетъ черезъ д. Викницы. но, такъ называемому, Каянскому тракту на д.д. Шушки и Уссуну.

ПОРЪ-ПОРОГЪ ВЪ ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

На Порѣ-Порогѣ есть широкіе виды, не такъ какъ на Кивачѣ, гдѣ все стѣснено и заглушено лѣсомъ. Далеко слышится ревъ водопада, далеко дрожитъ берегъ. Вотъ и онъ. Сквозь лѣсъ открылась вся громада воды весь бѣшеный хаосъ водопада передъ глазами и сразу проникаешься величіемъ этого зрѣлища. Порѣ-Порогъ несравненно больше Кивача и длиннѣе, и шире, но паденіе Кивача болѣе отвѣсно. Порѣ-Порогъ состоитъ изъ трехъ громадныхъ уступовъ, на каждомъ уступѣ вода неистовствуетъ, рветъ и мечетъ и свергается внизъ громадными, стремительно летящими массами, отъ которыхъ летятъ въ стороны милліоны брызгъ. На первомъ уступѣ вода падаетъ гладкими каскадами, на второмъ она уже кипитъ и бьетъ вверхъ тысячами фонтановъ и бросаетъ вверхъ бѣлую какъ снѣгъ пѣну, а на третьемъ уступѣ—одно смятеніе и хаосъ, въ которомъ ничего нельзя разобрать.

На правомъ берегу видна какая-то покинутая постройка, вродѣ мельницы, а лѣвый такъ высокъ, что громадная сосна, растущая внизу у самаго водопада, едва достаетъ берегъ своей верхушкой. Сѣвъ на песокъ и высоко держа надъ головой запасъ, стремительно несешься внизъ, рискуя попасть прямо въ вихрь водопада. Но внизу скала, на которую легко взобраться. Станьте на нее, и вы у самаго сердца водопада. Въ аршинѣ отъ васъ дѣлается что-то ужасное, какая-то сумасшедшая сила летитъ, реветъ, грохочетъ и притягиваетъ... Не смотрите въ воду: это бѣшеное движеніе воды вызываетъ головокруженіе. Скала и такъ дрожитъ подъ ногами, а платье ваше совершенно мокро отъ брызгъ.

— Го—го! крикнулъ я мальчику (проводнику), стоявшему въ десяти шагахъ. Онъ и не шевельнулся. Го—го!—закричалъ я всей грудью, и опять напрасно. Мой голосъ не слышенъ былъ мнѣ самому, я только чувствовалъ его. Ревъ водопада все заглушаетъ; въ ушахъ стоитъ непрерывный, сухой шумъ.

Сразившись съ порогами и выйдя побѣдительницей, красавица Суна вся въ пѣнѣ широко разливается и величественно несетъ свои бѣлыя воды, обрамленныя такими же бѣлыми, высокими берегами. Стройными рядами стоятъ на берегу высокія сосны. Картина удивительно красивая. Но еще красивѣе она вверхъ по рѣкѣ (у Гирваса).

М. А. Круковскій.

ПОРЪ-ПОРОГЪ ПРИ СПЛАВѢ ЛѢСА.

Порь-Порогъ совсѣмъ не то, что Кивачь. Широкая спокойная Суна плавно подходитъ къ мѣсту, гдѣ теченіе ея перегорожено грядою каменныхъ утесовъ, между которыми вода скачетъ, образуя яростно хлещущіе каскады. Водопады и пороги растянулись, по крайней мѣрѣ, на 1/4 версты и я насчиталъ около 6 большихъ каскадовъ. Прорвавшись черезъ первую преграду двумя могучими каскадами, вода какъ бы отдыхаетъ въ двухъ большихъ заводяхъ. Прыгая по гладкимъ скаламъ, мы выбрались на утесъ, торчавшій почти среди главнаго водопада и остановились на немъ, любуясь кипящей стихіей. Кругомъ по утесамъ торчали наворочепныя въ хаотическомъ безпорядкѣ груды бревенъ и черезъ нихъ, какъ сквозь рѣшето, журча, лилась вода, примѣшивая свою воркотню къ грохоту каскада. Столбы водяной пыли неслись въ воздухъ и мочили черныя скалы и желтыя облупленныя бревна. Ничего похожаго, а все-таки казалось, что каскадъ—могучій сѣдой богатырь старикъ съ дыбомъ поднятыми волосами, въ порывахъ нечеловѣческой злобы, яростно рветъ и мечетъ, гудитъ и бурлитъ, брызгая слюной и пѣной. Очарованіе этой бѣшеной дикой картины было таково, что мы и Карелы (присутствовавшіе здѣсь рабочіе—сплавщики) долго стояли молча, чокирая зрѣлище глазами и думая каждый свою думу.

Н. Березинъ.

ГИРВАСЪ (Hirwi лось).

ОБЩІЙ ВИДЪ ГИРВАСА.

Совершенно ошеломляющее чувство испытали мы при видѣ водопадовъ Порь-Порога и Гирваса. Пробившись черезъ несмѣтное множество скалъ, Суна спокойно течетъ въ песчаныхъ берегахъ и вдругъ, на полпутиѣ къ своему устью, встрѣчаетъ неприступные діоритовые кряжи. Она напрягаетъ всѣ силы для боя, съ этими врагами, и три порога или «падуна». Гирвасъ, Порь-Порогъ и Кивачь представляютъ три момента этой борьбы: трудность перваго приступа, ожесточеніе разгара битвы и торжество

Гирвасъ.

(Съ фотогр. В. М. Мельникова).

побѣды. Въ Гирвасѣ рѣка прокладываетъ себѣ на цѣлой полуверстѣ путь черезъ утесы, порой сжимается въ берегахъ въ узкую ленту; въ нее выдвигаются камни и цѣлыя скалы, но она бѣжитъ мимо нихъ и пробиваетъ ихъ насквозь. Если смотрѣть на Гирвасъ съ крутизны праваго берега, то волны Суны, покрытыя на необъятное пространство бѣлой пѣной, кажутся утомленными и обезсиленными, но съ надводныхъ утесовъ ясно видишь, сколько страшной силы въ медленномъ и сдержанномъ теченіи рѣки: каждый шагъ ея покупается упорной борьбой, но зато первая гряда горъ взята приступомъ.

N.N.

ГИРВАСЪ ДНЕМЪ И НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРѢ.

До Гирвача (отъ Поръ-Порога) дорога идетъ лѣсомъ по высокому песчаному плоскогорью, въ которомъ Суна промыла себѣ глубокую долину. Гирвасъ мы увидѣли съ этого обрыва. Внизу подъ ногами лежала волнистая, сглаженная водой скалистая площадь, во впадинахъ которой прихотливо сверкали лужи воды. Вдоль нея, прижимаясь къ правому берегу, пѣнилась по порогамъ Суна (падая по нимъ двумя водопадами со скалистымъ островомъ между.)

Саженяхъ въ 50-ти отъ насъ ниже по теченію тихая вода Суны упиралась въ низкіе утесы; сморщивъ свою гладкую поверхность въ правильные ряды морщинъ, словно раздумывая о чемъ то передъ рѣшительнымъ шагомъ, рѣка сразу срывалась двумя каскадами внизъ и изъ лѣнивой влаги превращалась въ бурно-бѣшенную стремнину.

Чуденъ и дикъ былъ видъ Гирваса ночью, когда мы взглянули на него въ послѣдній разъ съ высокаго обрыва: широкая, серебристая полоса пѣны мерцала среди подступившаго къ ней вплотную темнаго лѣса, и все покрывалъ собой куполъ неба, озаренный послѣднимъ краснымъ свѣтомъ зари.

Н. Березинъ.

ГИРВАСЪ ТЕМНОЮ НОЧЬЮ, ПРИ СВѢТѢ КОСТРА.

Въ двухъ верстахъ отъ Порь-Порога (вверхъ по Сунѣ) находится третій большой водопадъ Гирвасъ. Онъ меньше Кивача и Порь-Порога, но красивѣе ихъ. Онъ идетъ наклоннымъ скатомъ, но дикая мѣстность, угрюмыя ели, растущія почти у самой воды, непроходимыя заросли—все это навѣваетъ впечатлѣніе дикой, нетронутой красоты и торжественнаго величія. Солнце садилось выше водопада и окрашивало заводи рѣки, обросшія глухимъ кустарникомъ. Потомъ заклубился туманъ, въ которомъ видѣлись гребнями верхушки кустовъ, понурились, почернѣли ели, стоящія у воды, и протянули надъ водопадомъ свои вѣтви—руки: понемногу и весь водопадъ сталъ погружаться въ тьму. Наконецъ и совсѣмъ стало темно, но тамъ, въ темнотѣ, водопадъ ревѣтъ и мечетъ, ведетъ борьбу, дѣлаетъ свое вѣковѣчное дѣло. Онъ будетъ работать и въ темнотѣ, руководимый вѣчно одними и тѣми же законами природы, и восходящее солнце встрѣтитъ его за той же работой.

Мнѣ страшно захотѣлось увидѣть Гирвасъ при искусственномъ освѣщеніи: мнѣ представилось, какъ было бы красиво, если бы кто нибудь на другомъ берегу, гдѣ едва чернѣются ели, развелъ большой костеръ. Какими красками загорѣлся бы водопадъ! Это натолкнуло меня на мысль самому развести костеръ,—и скоро онъ запылалъ, освѣтивъ берегъ и кусочекъ водопада. Я отошелъ въ сторону и издали смотрѣлъ на дико-величественную картину. Да, хорошо смотрѣть на Гирвасъ ночью, когда онъ слабо вырисовывается въ красноватомъ свѣтѣ костра. Мрачныя ели точно недовольны тѣмъ, что освѣтили и подсмотрѣли ихъ таинственный сонъ. Кто здѣсь нарушаетъ покой, когда онѣ, сторожевыя ели, простирая свои черныя руки надъ бурнымъ водопадомъ, шепчутъ ему: «уймись, успокойся!» Чьи черныя силуэты видѣются на красномъ фонѣ костра, среди дыма и искръ? Это—крохотные люди-пигмеи нарушаютъ тишину и покой великановъ. Мальчикъ (проводникъ автора) продрогъ. Онъ былъ блѣденъ, на глазахъ дрожали слезы. Ему было страшно. Но назадъ идти ночью по лѣснымъ тропинкамъ нечего было и думать.

Приходилось ночевать здѣсь, у водопада. Мы натаскали валежника, сдѣлали запасы на цѣлую ночь и удобно расположились у костра на пескѣ... Поддерживая огонь у костра, я дремалъ полулежа, опершись на песчаную стѣнку и слушалъ сказки, которыя мнѣ разсказывалъ словоохотливый водопадъ. Онъ навѣвалъ на

Воицкій водопадъ. Правый берегъ

(Съ фотогр. П. П. Ползунова).

меня неотразимое чувство старины. Вотъ, чудится, среди сосенъ замелькаютъ величественныя, статныя фигуры, въ крылатыхъ шишакахъ; засвѣтится огонекъ, обрисуются тѣни воиновъ, опирающихся на мечи. А вотъ тамъ, у берега, у черной стремянны, появится сѣдой, въ бѣлой одеждѣ скальдъ, ударитъ въ струны арфы и запоетъ могучую пѣснь.... Я дремалъ и слушалъ разсказы водопада о сѣдой старинѣ, о прошлыхъ тысячелѣтіяхъ.

Поутру сосны и ели стояли обсыпанныя бѣлесоватыми каплями росы, точно въ бѣлыхъ матовыхъ саванахъ. Онѣ глубоко спали. Спала и трава, пригнутая къ землѣ тяжестью росы. Потомъ капельки заискрились, заиграли блескомъ зари, лѣсъ наполнился сѣроватымъ монотоннымъ свѣтомъ.

Мы пошли въ деревню.

М. А. Круковскій.

ВОИЦКІЙ ВОДОПАДЪ.

Воицкій водопадъ образуется Выгомъ, не менѣе любопытною рѣкою Олонецкаго края, чѣмъ Сува. На своемъ пути къ Бѣлому морю Выгъ имѣетъ цѣлый рядъ гигантскихъ пороговъ, которые въ другихъ мѣстностяхъ Россіи сошли бы за настоящіе водопады. Красивый Воицкій водопадъ расположенъ при выходѣ р. Выга изъ Выгозера (въ Повѣнецкомъ уѣздѣ). Рѣка падаетъ здѣсь съ высокаго уступа, образуя три вѣтви, раздѣленныя скалистыми островками. Этотъ водопадъ никогда еще не былъ описанъ и остается неизвѣстнымъ русской читающей публикѣ» *(А. П. Нечаевъ)*.

Но упоминаніе объ этомъ водопадѣ и *планъ* его есть уже въ «Путешествіи» академика Озерецковскаго (Табл. XI-я.). Силою этого водопада пользовались въ XVIII в. для промывки золотой, серебряной и мѣдной руды, добывавшихся въ сосѣднихъ Воицкой и Серебряной горахъ. Скажемъ, кстати, что съ 1715 по 1783 г.г. получено изъ Воицкаго рудника золота 4 пуд. 21 ф. 23 золотника.

Н. С. Шайженъ.

ОБЩЕЕ ЗАМѢЧАНІЕ О ЧИСЛѢ И СУДЬБѢ ОЛОНЕЦКИХЪ ВОДОПАДОВЪ.

Безъ сомнѣнія, на Супѣ, Выгѣ и на другихъ рѣкахъ сѣверо-западной части Олонецкой губерніи существуютъ многочисленные пороги и водопады, и изъ нихъ нѣкоторые даже больше Кивача, какъ заявляетъ въ своей статьѣ А. И. Митинскій со словъ окружнаго инженера А. И. Дрейера, которому извѣстенъ цѣлый рядъ большихъ корельскихъ водопадовъ. «Вообще мало изслѣдованный сѣверо-западный край Олоніи представляетъ не малый интересъ не только для присяжныхъ ученыхъ, но и для туристовъ любителей, которые могутъ сдѣлать здѣсь не мало открытій».

Къ такимъ «открытіямъ» относится падунъ (на 1½ версты) *«Нóрусъ»* на р. Сегежѣ, при выходѣ ея изъ озера Сегозера, впервые снятый П. П. Ползуновымъ, въ бытность его учителемъ въ с. Падавахъ, Повѣнецкаго уѣзда. П. П. Ползуновъ снялъ и *Выговскіе водопады* и *порогъ на рѣкѣ Кýлмуксѣ*. Кромѣ того въ с.-з. части Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ существуютъ, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, слѣдующіе значительные «падуны»

Повѣнецкій уѣздъ.

«Поповъ порогъ» на рѣкѣ Сегежѣ, притокѣ Выга, съ большимъ паденіемъ на 3-хъ верстахъ.

«Бýгма» (съ финск.—*голова*) на р. Кумсѣ, впадающей съ сѣвера въ Повѣнецкій заливъ Онежскаго озера, отстоитъ въ 7 верстахъ отъ с. Покровскаго, Богоявленской волости. Высота отвѣснаго паденія очень велика, ширина незначительна.

Кáянъ-кóски («узкій порогъ») на р. Витчеи, притокѣ Сяны, верстахъ въ 100 отъ Кивача. Паденіе лѣтомъ болѣе сажени, а весной до 3—4 саж.

«Остéръ» на р. того же имени, впадающей въ Повѣнецкій заливъ Онежскаго озера.

Вэицкій вдопадъ. Лѣвый берегъ.
(Съ фотогр. П. П. Ползунова).

Громадные *пороги*—падуны *на р. Ле́ндерѣ*, притокѣ р. Лексы, въ 130 верстахъ отъ Поросъ-озера.

На р. Янозерѣ, впадающей въ Селецкое озеро, *Ка́лгива-ко́ски*—скалистый порогъ до 200 саж. длины. Отвѣсные берега р. Янозерки достигаютъ здѣсь 10—12 саж. высоты.

Петрозаводскій уѣздъ.

На р. На́озерѣ, притокѣ Чавны, впадающей въ р. Шую. Паденіе отвѣсное до $1^1/_2$ саж.

На р. Шуѣ: порогъ *Вѣдань-Нѣшка*, «быстрина» на 3 версты. Пороги *Большой То́лли* (около 1 саж. высоты) и *Малый Толли* (нѣсколько меньше), оба находятся на границѣ Шуйской и Святозерской волостей, близъ д. Матроса.

Падунъ «Ю́га», пограничный съ Финляндіей, въ 8 верстахъ отъ села Вешкелицъ, Петрозаводскаго уѣзда, у самой *финской* деревни Тимойлы. «Юга»—однотипенъ съ Кивачемъ. Высота чуть наклоннаго паденія 3—4 сажени, ширина рѣки Шуи здѣсь саж. 40—50. Не замерзая зимою, падунъ этотъ въ весеннее водополье имѣетъ страшную силу: сплавляемыя по нему бревна часто разбиваются въ щепы.

Падунъ на р. Кѣвасъ-дѣи, вытекающей изъ озера Квасъ-ярви и впадающей въ Ка́ткать-ярви; на разстояніи 5 саженъ очень узкое паденіе до 4 саженъ.

Пудожскій уѣздъ.

«Падунъ» у двухъ деревень того-же имени *на р. Водлѣ*, въ 100 слишкомъ верстахъ отъ впаденія этой рѣки въ Онежское озеро. Здѣсь р. Водла, сжатая скалистыми утесами и имѣющая около 20 саж. ширины отвѣсно низвергается съ высоты болѣе 2 саженъ. Въ зимнее время этотъ падунъ не замерзаетъ.

Подобный же, очень красивый водопадъ и тоже у деревни (1 дворъ) подъ названіемъ *«Падунъ»*, находится въ Авдѣевской волости, *на р. Губѣ*, впадающей съ сѣверо-востока въ Онежское озеро.

Итого, общее число извѣстныхъ Олонецкихъ «падуновъ» большихъ и менѣе значительныхъ простирается свыше 15.

Въ будущемъ, хотя, можетъ быть, очень далекомъ, чудные Олонецкіе «падуны» ждетъ общая участь водопадовъ: формируя себѣ долины, рѣки, говоритъ А. П. Нечаевъ, уничтожатъ уступы, выработаютъ дно съ равномѣрнымъ паденіемъ и водопады исчез-

нутъ съ лица земли, какъ исчезли они, напр., на Днѣпрѣ и Лугаѣ. Несомнѣнно, громадные Олонецкіе водопады—Кивачъ, Порогъ, Гирвасъ, Вонцкій и др.,— подобно Ниагарѣ,—были прежде еще выше, чѣмъ теперь, но потомъ постепенно опустились и отступили вверхъ по теченію рѣкъ.

Н. С. Шайжинъ.

1935
1850
2310

~~Цѣна 50 коп., съ пересылкою 60 к.~~

Того-же автора:

1) **Матеріалы и статьи по Олонецкому фольклору.** Сборники I и II. 1903 г. Содержаніе сборниковъ: *Матеріалы* — причитанія, [illegible] загадки и пѣсни. *Статьи*: — 1) [illegible] областного олонецкаго нарѣчія отъ нарѣчій новгородскихъ, прибалтійскихъ, прикамскихъ и приволжскихъ [illegible] въ лексическомъ отношеніи. 2) Современная народная пѣсня — «частушка» (I сборн.). 3) Свадьба [illegible] 4) Говоръ крестьянъ [illegible] 5) [illegible] пѣсни (II сборникъ).

Цѣна I сборника ([illegible] стр.) 30 коп., II — (17[illegible] стр.) 50 коп.

2) **Олонецкій фольклоръ. I Былины.** [illegible]

3) [illegible] Пудога съ XIV по XVIII вѣкъ. [illegible]

4) **Олонецкое областное нарѣчіе и древне-русскій языкъ въ лексическомъ отношеніи.** 19[illegible] г. Цѣна 10 коп.

Требованія адресовать:
Въ г. Петрозаводскъ, [illegible] Духовной Семинаріи
[illegible]